РОВЕСНИК

ноябрь

11'90

ISSN 0131—5991

КУДА ПУТЬ ДЕРЖИМ?

События 1989 года в странах Восточной Европы получили название «молодежных», «студенческих» революций. И это не случайно. Как правило, именно молодежь была катализатором процессов, создавших реальные возможности для легальных проявлений плюрализма и в политической жизни, и в молодежном движении. Демонтаж административно-командного социализма с разной степенью динамизма идет в Польше, Венгрии, ЧСФР, Болгарии, Румынии, Югославии, Монголии.

Обветшавшие фасады прежде респектабельных коммунистических и социалистических союзов молодежи не выдерживают напора новых общественно-политических организаций. Эти новые образования, по численности, кстати, значительно уступающие традиционным структурам, имеют самую разнообразную окраску и играют заметную роль в политической жизни своих стран. При этом на базе прежних союзов формируются независимые от партий молодежные организации, готовые сотрудничать с любыми политическими силами, реально учитывающими интересы молодежи.

Другая группа стран — Куба, Вьетнам, Лаос, Китай, Албания и КНДР. В них под воздействием внутреннего и мирового развития началось или обсуждается проведение реформ, пока не затрагивающих основы существующей системы. Основные пути поддержания жизнеспособности молодежных союзов этих стран — стремление направить активность молодежи в экономическое русло и усиление политического администрирования, идеологической обработки молодежи.

ВЕНГРИЯ. Венгерскому демократическому союзу молодежи, еще год назад стремительно терявшему влияние, в последнее время удалось остановить этот процесс. Отстаивая интересы молодежи, Союз охотнее всего идет на сотрудничество с теми, кто хочет помочь юношам и девушкам в решении их социальных проблем.

ПОЛЬША. Существовавшие ранее социалистические союзы молодежи находятся в состоянии паралича. Молодежь в основном сочувственно воспринимает идущую по всей стране кампанию по дискредитации социализма. «Солидарность» выступает за ликвидацию всех молодежных структур социалистической ориентации. Спектр вновь возникающих организаций — а их уже около двухсот — необычайно широк: от социал-демократических до крайне правых.

ЧСФР. Союз социалистической молодежи (с ноября 1989 года — Союз молодых) оказался в несколько лучшей ситуации в период бурных событий прошлого года, чем компартия страны. Организация первой поддержала требования студентов. Вслед за этим было принято решение об изменении характера деятельности, организационного строения, независимости от политических партий. Союз молодых унаследовал материальную базу Социалистического союза молодежи (ССМ), но предложил созвать «круглый стол» с участием представителей всех молодежных движений для обсуждения возможностей ее совместного использования.

ГДР, теперь уже бывшая. Переход к рыночной экономике вызвал рост безработицы, повышение цен, причем сказалось это в первую очередь на молодежи. Некогда могущественный, более чем двухмиллионный Союз свободной немецкой молодежи пережил период мгновенного распада и в течение двух-трех недель превратился в небольшую, но весьма активную молодежную организацию левого толка.

БОЛГАРИЯ. В стране насчитывается около 40 различных молодежных организаций и объединений. Правопреемником Димитровского комсомола (ДКСМ) стала Болгарская демократическая молодежь (БДМ), заявившая, что «порывает с тоталитарной сущностью ДКСМ», ставит своей целью «отстаивать право молодого человека на свободу в социальной сфере, защищать его в обществе». БДМ действует на основе общечеловеческих ценностей, демократии, национальных идеалов, социалистических идей.

Высока политическая активность студентов, проявившаяся летом этого года и во многом обусловившая отставку П. Младенова с поста президента страны.

РУМЫНИЯ. После свержения режима Чаушеску Союз коммунистической молодежи прекратил свое существование. Молодежь, ставшая главной движущей силой народного восстания, получила достойное представительство в Совете Фронта национального спасения. Создана молодежная комиссия Совета Фронта. В стране идет бурный процесс возникновения новых организаций. В обществе растут антикоммунистические, а в некоторых кругах молодежи антисоветские настроения.

МОНГОЛИЯ. Ревсомол пы-

тается предпринять организационные преобразования, которые пока не дают большого эффекта. В обществе, и прежде всего в молодежной среде, нарастает недовольство медлительностью в проведении коренных реформ. Увеличивается количество безработных. Рост национального самосознания сопровождается требованиями юношей и девушек переосмыслить и изменить характер сотрудничества с СССР.

ЮГОСЛАВИЯ. На состоявшемся в мае этого года XIII съезде Союза социалистической молодежи Югославии принято решение о роспуске организации. Правопреемниками объявлены Молодежный совет Югославии и Югославский новый форум. Совет станет деполитизированной организацией, объединяющей молодежь по интересам, а Форум займется координацией деятельности молодежных организаций политических партий.

АЛБАНИЯ. В Союзе трудовой молодежи Албании (СТМА) в начале года активно развернулась кампания «повышения революционной бдительности в отношении чуждых проявлений», усиливается жесткий административный контроль за любыми попытками молодежи проявить себя вне СТМА. Возможно, начавшиеся преобразования во внутренней политике страны, выход из международной изоляции повлияют и на ситуацию в молодежной среде.

ВЬЕТНАМ. Несмотря на схожесть проблем с молодежными союзами других социалистических стран, руководство Союза коммунистической молодежи (СКМ) заявило, что модель перемен стран Восточной Европы для организации «неприемлема». СКМ начал активную коммерческую деятельность.

КАМБОДЖА. Сложная военно-политическая обстановка в стране сказывается и на деятельности Союза народно-революционной молодежи Камбоджи, который сохраняет свое влияние в основном среди армейской и городской молодежи.

КИТАЙ. После молодежных и студенческих волнений в апреле — мае прошлого года обстановка в молодежной среде остается сложной. Усиливается идеологическое давление на юношей и девушек. Численность Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) растет, Союз насчитывает уже более 58 миллионов членов. В 1989 году полностью восстановлено сотрудничество между ВЛКСМ и КСМК.

КНДР. В Союзе социалистической трудовой молодежи Кореи (ССТМК) развернулась активная послефестивальная кампания «борьбы против буржуазных идей свободы, ветра либерализации, впитывания молодежью идей других стран». Для контроля за деятельностью ССТМК при всех парткомах Трудовой партии Кореи созданы специальные отделы. В рамках акции «не знать никаких других идей, кроме идей чучхе» организована обязательная читка каждым членом Союза десяти тысяч страниц произведений вождей в год.

КУБА. В последнее время кубинское руководство все чаще говорит об ответственности молодых за судьбы страны и социализма. Однако в связи с экономическими трудностями, отсутствием подлинной свободы выражения мнений в молодежной среде сохраняется напряженность, растет критическое отношение к кубинской действительности.

В этих условиях Союз молодых коммунистов пытается привить молодому поколению «иммунитет» от западной пропаганды, новых веяний из СССР и Восточной Европы, а также внушить юношам и девушкам идеи самопожертвования во имя защиты «последнего бастиона социализма».

ЛАОС. Руководство Союза народно-революционной молодежи Лаоса сдержанно относится к процессам в молодежном движении СССР и стран Восточной Европы. В связи с сокращением государственных субсидий Союз начал активную коммерческую деятельность, структурную реорганизацию и сокращение кадров.

На снимке: Берлинская стена (эта фотография сделана в конце прошлого года), долгие десятилетия бывшая символом разделения Европы, рухнула. И в переносном, и в прямом смысле она разобрана до основания.

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: не правда ли, эта симпатичная японка выглядит так беззаботно! Но жизнь японских женщин — особый мир. Материал об этом читайте на страницах 6—8

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 11 ноябрь

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 03.09.90. Подписано в печ. 04.10.90. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 975 000 экз. Цена 35 коп. Зак. 2200.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Смотрите:

Индия. Несмотря на обилие в прессе очень деловой информации об этой стране, ее политике и экономике, нам она зачастую по-прежнему представляется благословенной экзотической землей, где растут неизвестные остальному человечеству фрукты, а священные коровы надежно блокируют уличное движение. Страна, на географических картах виноградной гроздью свисающая в Индийский же океан,— извечная мечта путешественников всего мира.

На фотографиях, которые мы публикуем в этом номере, нашлось место разным сторонам жизни Индии. Как видите, на улицах можно встретить не только коров, но даже и слона. Наводнение для индийцев — не такое уж редкое событие, и действуют они в этих ситуациях со знанием дела. Женщины в роли грузчиков, водрузившие на головы корзины с углем, здесь никого не удивляют, и в то же время Индия производит новейшие промышленные технологии, запускает космические корабли. Страна шаг за шагом продвигается вперед, и сегодня всем кажется вполне естественным, что Индия входит в число наиболее мощных стран мира.

Больше года мы с мужем и двумя нашими сыновьями прожили в районе Иокогамы Уцукусигаока, в переводе — «красивые холмы». Мы арендовали небольшой, но уютный домик с крощечным двориком, таким маленьким, что дети подстригали траву ножницами. Ветер, иногда прорывавшийся через холмы, сметал опавшие листья с дорожки у дома. Поддержание опрятного внешнего вида — обязательное правило для японцев, и ветер был для нас отличным помощником.

Так, по крайней мере, мне казалось. Но как-то раз добродушная соседка, госпожа Каммимура, зайдя к нам с экзотическим блюдом, приготовленным специально для нас, американцев, невзначай заметила, что, пока мы отсутствовали, она подмела улицу. Нетрудно было догадаться, что вовсе не ветер помогал нам в уборке территории. Соседка тактично дала мне понять, что она делала за меня работу, за которую мне самой пора бы взяться. Раз я была иностранкой, то, конечно, не могла знать японских традиций, и Каммимура-сан спасала мою репутацию. Со временем я поняла: трудолюбие — главная характерная черта японок. Они привыкли, не предаваясь сомнениям, без лишних вопросов исполнять свои обязанности четко и быстро.

Иностранцам вообще трудно разобраться в лабиринте многочисленных и непонятных японских обычаев. Переехав на новую квартиру, что вы подарите новым соседям? Маленькое полотенце. Как разливать сакэ по чашкам? Налить гостю, надеясь, что и он нальет вам.

Чтя многовековые традиции, послевоенная Япония сравнительно легко преодолела многие противоречия, вызванные политическими, экономическими и социальными переменами, но они почти не затронули стиль жизни японских женщин, традиционно играющих роль матери-домохозяйки-жены. Подготовка к этому предназначению начинается с ранних лет.

Перед началом учебного года Кэйко Уада, моя лучшая японская подруга, и я с нашими двенадцатилетними детьми, Сашико и Томми, отправились в магазин покупать для них спортивную форму для уроков физкультуры. Прежде чем войти в примерочную, Томми снял ботинки, а когда вышел, то сразу подбежал ко мне, демонстрируя свой выбор. Кэйко прошептала что-то на ухо Сашико. Та послушно принесла ботинки Томми и опустилась на коленки, поставив их рядом с ним. Томми смутился, но в поступке девочки не было ничего необычного, по японским меркам: Сашико попросту вела себя так, как в по-

Ты должна помнить: ты японская женщина

Дебора ФОЛЛОУЗ, американская журналистка

добных ситуациях полагается вести себя японской женщине. Во многих семьях жены по-прежнему помогают своим мужьям одеваться, за столом выбирают для них лучшие куски из блюда, приготовленного на всю семью.

Однажды в переполненном поезде Иокогама — Киото я наблюдала такую сцену. Запыхавшаяся пятидесятилетняя женщина, нагруженная чемоданами, сумками и всевозможными пакетами, вошла в вагон, плюхнулась на единственное свободное место, а через минуту появился ее муж, который невозмутимо уселся на место, занятое для него женой. Всю дорогу до Киото, два с половиной часа, он читал газету, а жене стояла в проходе, держа в руках сумки.

Когда женщина достигает «тэкирэйки», самого благоприятного для брака возраста (традиционно 23—25 лет, но все чаще граница отодвигается до 27 лет), все знакомые стараются помочь ей в выборе спутника жизни. В крупных фирмах, как правило, имеются собственные службы знакомств для своих одиноких служащих. Брачные маклеры, а чаще просто знакомые семьи, предлагают потенциальным невестам подходящие кандидатуры. Родители нанимают частных сыщиков для выяснения родословной семьи, чтобы убедиться в безупречности репутации будущего супруга (супруги) и что в роду нет дурной наследственности.

Многие девушки обучаются на курсах подготовки невест. Они осваивают ритуал чайной церемонии и искусство икебаны, иногда автовождение и даже умение поддержать беседу. Достичь идеала «окусан» (в переводе «госпожа домохозяйка») нелегко. Многие японские девушки проходят через работу «кан тэцудай», «помощница домохозяйки», то есть попросту помогают своим матерям в работе по дому в течение двух лет, пока не выйдут замуж. В это время они нигде не учатся, не ходят на службу, а только убирают комнаты, моют полы и посуду.

Японская помолвка, «о-миаи», может заключаться сразу с несколькими женихами, порой до 10—12 и даже 15. Если одна из сторон имеет возражения в отношении потенциального супруга или супруги, то первое знакомство молодых на том и заканчивается и повторная встреча не назначается. Но если все-таки состоятся три-четыре встречи, то пара приступает к свадебным приготовлениям. Моя знакомая японка, двадцатилетняя женщина, переводчица, рассказывала, как отказала жениху после их третьей встречи: «Мой поклонник был крайне удивлен. Предыдущие встречи он воспринял как явное мое согласие на брак». Ей пришлось принести извине-

ния посреднику, который потом с трудом убедил родственников молодого человека в искренности отказа.

Для японцев наши представления о романтичности любви и брака — пустой звук. Главное — создание семьи, любовь — дело вторичное, и если она возникает между супругами, то воспринимается как награда свыше. Однако сам стиль жизни японских семей никак не способствует рождению любви: мужчины с утра до ночи работают и после трудовой недели выматываются так, что все воскресенья, единственный их выходной, отсыпаются.

Я не переставала удивляться образу жизни японских жен, порой совершенно обособленному от жизни мужей. Одна моя подруга, чей муж месяцами работал в другом городе (ситуация настолько обычная, что для этого даже существует специальный термин «тансин-фунин»), невозмутимо объяснила: «Всего только одного человека не хватает рядом». В Японии практически не пользуются услугами нянек — муж с женой вместе никуда не ходят. Женщины встречаются между собой. Мамы в классе моего старшего сына по крайней мере четыре-пять раз в году собирались для совместного ужина, обеда в ресторане, пикника на природе (вместе с детьми) и однажды даже встречались в пивном ресторане.

Японцы шутят, что их женщины — японское секретное оружие, основа, на которой растут производительные силы страны, обеспечившие такой поразительный экономический успех, и мужчины, не отвлекаясь на мелочи быта, имеют возможность создавать «японское чудо», уверенные, что и новые поколения пойдут тем же путем.

Школьный завтрак, «о-бэнто», что значит «коробка с завтраком»,— крайне важное дело для большинства японских женщин. В коробке с завтраком ребенок уносит с собой в школу частичку материнской любви. Стандартное трехцветное «о-бэнто» упаковывается в прямоугольную пластиковую коробку размером с учебник. В одной секции может находиться горошек, в другой — мясо цыпленка с соевым соусом. И обязательно ослепительно белый рис с красной маринованной сливой посередине — символ восходящего солнца. Единственным вопросом, заданным мне классным руководителем моих детей, был такой: «Вы умеете делать «о-бэнто», миссис Фоллоуз?» Я-то думала «да», но моя подруга Кэйко принесла иллюстрированную книгу «Ускоренный курс «о-бэнто» в двух томах, посоветовала, какие и где покупать продукты, и стала учить меня, как их приготовить. Но даже после всего этого Кэйко, сомневаясь в моих способностях, перед занятиями в школе прислала свою дочь Сашико с дополнительным «о-бэнто» для Томми.

Каждое воскресенье между девятью и десятью утра я, подобно всем жителям нашего квартала, готовила старые газеты для обмена их на туалетную бумагу в передвижной лавке. Три раза в неделю ближе к полудню я спешила на звук музыки из динамиков, установленных на машине сбора мусора, предварительно убедившись, что мои мешки с отходами завязаны не хуже, чем у других. А вечером, выполняя свое последнее задание, готовя на утро рис, я думала о миллионах женщин, делающих то же самое.

Японские мамы словно служанки преданы своим детям. Они никогда не оставляют их одних без присмотра. Если ребенок совсем маленький, его привязывают к спине и вместе с ним совершают покупки, развешивают белье, работают по дому.

«Мама-учительница», «кёйку-мама»— образ заботливых матерей присутствует, наверное, во всех современных японских пьесах. Мамы относятся к образованию своих детей чрезвычайно серьезно — ведь их будущее зависит от учебы и выпускных экзаменов. Както раз в универмаге Иокогамы я осматривала новинки школьных домашних парт. Более всего меня поразила парта, связанная с кухней кнопкой вызова: ученик может вызвать маму, чтобы та принесла ему еду или отточенные карандаши.

В Японии принято каждого мужчину, женщину, ребенка оценивать с точки зрения полезности обществу, где общественные интересы всегда выше личных, такова традиция. Кэйко как-то сказала мне: «Японки считают стремление европейских женщин к самовыражению очень эгоистичным».

Женщины в Японии всегда трудились преимущественно на тяжелых ручных работах: выращивание риса, животноводство, рыболовство, работа на конвейере... Многие устраиваются на работу на заводы новых, быстро развивающихся отраслей. И совсем немногие становятся менеджерами и управляющими банков. Они занимают около 160 тысяч руководящих постов в стране — то есть на них приходится один процент всех работающих женщин.

Успех женщин, отказавшихся от традиционной женской роли, не принято рекламировать. Карьера Садао Исиды, работающей на заводе Мацусита в пригороде Осака, началась с того, что она устроилась сюда в 1965 году после окончания средней школы. Сегодня она — единственная женщина — руководитель целого подразделения, «хантё» — пост, который она долгое время не решалась занять: «Я чувствовала, что мне лучше помогать в подготовке мужчин на эту должность, чем становиться «хантё» самой»,— объяснила Исида-сан.

Исида-сан — образец японского трудолюбия. Она просыпается в 5 часов, в 6.30 подъезжает к заводу, за полчаса до открытия ворот. Затем, подобно всем рабочим Мацуситы и большинству служащих, переодевается в голубую форму компании. После окончания рабочего дня, в 5 часов вечера, Исида-сан все еще на рабочем месте, проверяет выполнение дневного задания или беседует со служащими своего подразделения. Домой она возвращается в 7.30 вечера.

Исида-сан — незамужняя, она исключение из общего правила. Обычно выпускницы школ работают пять-шесть лет и выходят замуж, после этого полностью посвящая себя семье и хозяйству.

Немногие женщины осмелились посвятить жизнь достижению карьеры. Кэйко Ацуми, начавшая пять лет назад издавать свой международный финансовый бюллетень, рассказывала, что на это от нее потребовалось в три раза больше усилий, чем мужчине, плюс ей пришлось ждать двадцать лет, пока она не преодолела сопротивление мужчин-финансистов. Как правило, молодые девушки не желают так долго ждать.

В любой большой фирме есть свои грустные истории о женских профессиональных проблемах. В списках сотрудников постоянно происходят замещения женских фамилий мужскими. Проводятся собрания, но женщинам либо не сообщают о них, либо не приглашают, а если все-таки они приходят, то все равно не имеют там права голоса. Шизу Мунэката, получившая образование в США, окончившая Джорджтаунский и Стэнфордский университеты, однажды укорила коллегу-мужчину, наложившего кипы старых документов на ее рабочий стол. На что тут же получила ответ: «Ты должна помнить: ты — японская женщина». Но когда я спрашивала своих знакомых, не раздражает ли их такое отношение к ним на работе, они очень удивлялись. «Я благодарна тому, что для меня открылись большие возможности»,— сказала Мунэката-сан. «Я счастлива, что научилась настойчивости, терпению и умению отделять главное от второстепенного»,— добавила Ацуми-сан.

Перевел с английского
Эдвард КОЛОБАЕВ

Каким должен быть благотворительный фонд? Привычным для нас учреждением с отдельным особняком, крепким аппаратом и обязательно миллионными оборотами или каким-то другим? Фонд, о котором рассказывает в своем материале швейцарский журналист, всех вышеперечисленных достоинств не имеет. Он создан и действует благодаря личной инициативе одного человека. Может, и у нас бы так получилось...

Вообще-то в тот раз он должен был фотографировать бюстгальтеры, эффектные бюстгальтеры на эффектных женщинах на фоне живописного бразильского ландшафта. Именно для этого швейцарский фотограф Онорио Мансутти прилетел в Рио-де-Жанейро. Съемка для одного из журналов мод должна была проходить на всемирно известных пляжах Копакабаны и Ипанемы. Но погода была плохой, и фотографу пришлось ждать.

В те дни он познакомился с бразильцем немецкого происхождения по имени Отто Энгель. А тот показал ему фавелы — печально знаменитые трущобы, раскинувшиеся вокруг Рио. В фавелах живут беднейшие из бедных. Пустая кассета из-под фотопленки здесь равна целому сокровищу — из-за нее торгуются, ее продают. Водопровода тут нет — текущая вода известна местным жителям только в форме дождя. А о школах дети фавелы знают только по рассказам.

Итак, Мансутти, вместо того чтобы фотографировать бюстгальтеры, в сопровождении Отто Энгеля день за днем ходил по трущобам. Занятие это считается опасным для европейца — за пару приглянувшихся кроссовок тут могут и убить. Глядя на здешнюю нищету, Мансутти вспомнил фразу, которую читал где-то когда-то: «Нищета — это не нехватка денег; это нехватка возможностей». А иных возможностей, кроме как играть в грязи и потом стать членом одной из подростковых банд, у ребенка здесь нет. Мансутти, которого в Базеле знают не только как фотографа, но и как плейбоя, владельца джаз-клуба, посетителя вечеринок и любимца женщин, решает без долгих размышлений, что должен создать новые возможности для детей из фавел. Ничего широковещательного, никакой рекламы, ни о каких миллионах и речи нет; все тихо, просто, скромно. Он фотографирует маленького мальчика и вместо нескольких монеток дает ему обещание: «Я сделаю так, что ты сможешь ходить в школу...» Это было в 1972 году. Мальчика звали Марчелло де Альмейда, и сегодня он — пилот бразильской авиакомпании.

Раз в год, в неделю между Рождеством и традиционным бразильским карнавалом, Мансутти приглашает на праздник всех детей, которым помог, начиная с 1972 года. Праздник проходит в парке неподалеку от Рио-де-Жанейро. Детей привозят на автобусах, где они сидят в креслах, а не висят на подножках, как это принято среди юных жителей Рио; в парке для них накрыты столы, и они могут есть и пить, сколько хотят; они могут купаться, играть, шалить, болтать о чем угодно, словом, быть самими собой. Бразильская общественность не оставляет праздник без внимания, о нем пишут крупнейшие газеты, его показывают три телепрограммы — и в этом нет ничего удивительного: любимец всех бразильцев, живой символ удачи и добра в этой стране — Пеле, сам Пеле носит майку с надписью «Дети в Бразилии — Базель».

А вот как все начиналось: думая о том, как же помочь маленькому Марчелло де Альмейда, Мансутти летел обратно в Базель. Дома он рассказал друзьям, что оплатить на месяц школу для ребенка в Бразилии стоит дешевле, чем выпить аперитив в базельском ресторане «Кунстхалле». На что некоторые из друзей и приятелей Мансутти ответили, что они так или иначе все равно собираются бросить пить и вполне способны отказаться от пары аперитивов, если на эти деньги ребенок из фавелы сможет два месяца ходить в школу. Друзья и приятели рассказали это своим друзьям и приятелям, те своим — и так далее, как круги по воде.

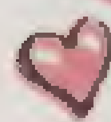
Вот так Мансутти и создал свой Фонд — не произнося громких слов о «гуманизме и человечестве», не принимая красивых поз, не ставя перед собой больших честолюбивых целей. Фонд, который называется «Дети в Бразилии» и который сегодня оплачивает школьное обучение для более чем пятисот детей из трущоб вокруг Рио-де-Жанейро. Фонд, который пользуется уваже-

на стр. 14

ДЕТСКИЙ ФОНД ПО-ШВЕЙЦАРСКИ

Петер ХЕЛЬТШИ, швейцарский журналист

ЛЮБОВЬ—КАКАЯ СТРАННАЯ ИГРА...



Вы только подумайте! Оказывается, современный просвещенный человек понимает любовь всего лишь как продукт гипоталамуса! Какое счастье, что познавшие любовь великие поэты-лирики не имели ни малейшего представления о биохимии. Иначе мы никогда бы не прочитали их изумительных стихов про любовь, про прекрасных юных дев, блеск глаз которых выдавал их ответное чувство к авторам. Вместо этого мы читали бы сейчас что-нибудь вроде: «И разгулялись мои острогены, и адреналин бушует в крови!» А у вас это не так? Нет? Ах, вы просто влюблены! Вы просто не можете думать ни о чем другом, кроме как о долгожданном телефонном звонке «от того самого Карла» или «той самой Клары»? Ваше счастье, что вы не попали в руки изголодавшихся по славе исследователей любви! Они бы вмиг опутали вас проводами, подключенными к мудреным аппаратам, и вызнали бы всю правду о биохимических процессах, которые происходят в вас в тот момент, когда вы влюблены.

Давным-давно рыцари-трубадуры уже подступались к изучению сложной проблемы любви, пользуясь, к слову сказать, совершенно ненаучными методами: они распевали любовные песни под окнами средневековых красавиц.

По-настоящему научный подход к проблеме обнаружил конгресс на тему «Любовь и влечение», состоявшийся в 1977 году в Англии. Результат был потрясающий. Разбив высокие лбы, психологи пришли к совершенно неожиданному выводу: во-первых, оказывается, красивые, богатые и умные склонны влюбляться в себе подобных. Ну кто бы мог подумать? Во-вторых, любовь «функционирует» по-настоящему только тогда, когда обе стороны любят с одинаковой силой. Причем важна не столько глубина чувства, сколько то, чтобы — одинаково. Таким образом, два человека, одинаково слегка влюбленных друг в друга, представляют собой более счастливую пару, чем та, в которой один влюблен до безумия, а другой так себе, с оговорками.

Научный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» назвал подобные знания о любви гораздо менее полезными, чем хорошие стихи.

Американский сенатор Уильям Проксмайр объявил войну всяким исследованиям проблемы любви, заявив: «200 миллионов американцев хотели бы сохранить таинственность некоторых жизненных явлений. Список явлений, о которых мы вообще ничего не хотели бы знать, возглавляет вопрос: «Почему мужчина влюбляется в женщину и наоборот?»

Психологи сошлись на том, что процессы любви регулируются, очевидно, правым полушарием нашего мозга. Вслед за этим слово взяли биохимики. Собственно, особых споров по поводу того, что любовь — это все-таки чувство, не было. Споры разгорелись вокруг того, в какой степени воспитание и окружение, с одной стороны, и биохимия — с другой, способствуют появлению в мире страстно влюбленных людей.

Заметим, что речь идет о любви, а не о сексе. В процессе изучения биохимической основы любви выяснилось, что народная мудрость и некоторые приметы вполне справедливы.

Например, не только в романах, но и в реальной жизни любовь делает человека более здоровым. Коллектив ученых во главе с доктором Дэвидом Макклелландом в результате целой серии опытов зарегистрировал у двух категорий людей повышенную концентрацию «Т»-клеток, входящих в иммунную систему организма, защищающую его от инфекционных заболеваний. К первой категории относились влюбленные, ко второй — люди не влюбленные, но по складу своего характера расположенные к большой, жертвенной и романтической любви. После просмотра одного весьма сентиментального фильма у них наряду с возвышенным состоянием духа отмечалась повышенная концентрация «Т»-клеток.

Вспомним недолго наслаждавшуюся своей первой и единственной в жизни чистой и бескорыстной любовью Травиату, которая умирает на оперной сцене счастливой, в полном соответствии с новейшими открытиями биохимиков: эндорфин, вырабатывающийся в человеческом организме в состоянии влюбленности, действует как болеутоляющее средство.

Кроме того, адреналин может вызвать повышение кровяного давления и несравненное сердцебиение от любви.

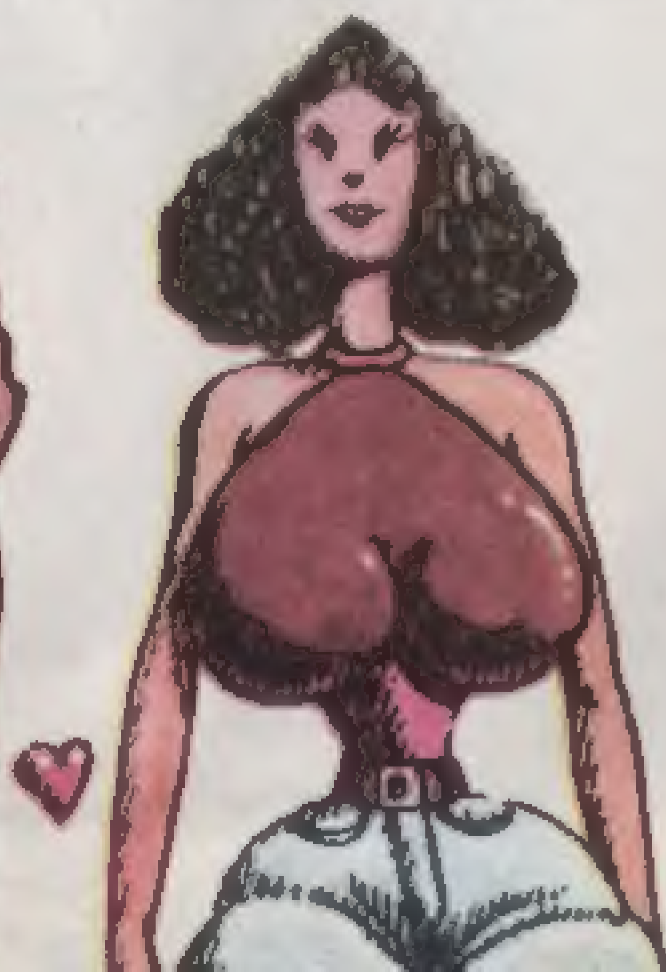
Вопрос только в том, как, с точки зрения биохимии, можно впасть в это состояние блаженства...

Да и вообще, ну кто может точно знать, когда, сколько и какие гормоны поступают в нашу кровь? Представьте себе, что вы находитесь в приятной вам компании, а напротив вас стоит человек, при виде которого у вас бешено забилось сердце. И в этот момент за вашей спиной вырастает ученый муж с докторским саквояжем, чтобы измерить давление и взять пару-тройку анализов. Ну какая уж тут любовь?

Американский психолог Этель Персон, прекрасно понимая, что мнение биохимиков мало интересует влюбленных и тех, кто жаждет любви, написала книгу «Жажда любви», в которой говорит вещи общеизвестнейшие. Но, приведенные в «научную» систему, может быть, они кому-то помогут?

Тоска по любви

Если к нам не пришла любовь, мы страстно желаем, чтобы это случилось. Даже в том случае, если наша жизнь заполнена до предела и мы гордимся собственной персоной, мы все равно испытываем чувство одиночества и изолированности. Мы страдаем от ощущения того, что наше «я» — всего лишь



Необязательные советы

крошечный одинокий островок во Вселенной, и нам безумно не хватает чувства близости другого человека, нам хочется играть важную роль в его жизни.

Самое лучшее время для любви

Любовь может прийти когда угодно, но только не по приказу! Есть, правда, определенные жизненные ситуации, которые как бы провоцируют появление любви. Так, например, часто мы влюбляемся тогда, когда только что пережили расставание или какую-либо потерю, или они предстоят нам. Примером могут служить любовные отношения, которые завязываются незадолго до окончания учебы, перед призывом в армию. И если многие овдовевшие женщины и мужчины вскоре после кончины друга жизни влюбляются снова, это вовсе не свидетельство их жестокости или отсутствия настоящего чувства — это скорее говорит о глубине их печали. Как ни странно, но разлука с домом также может оказывать «стимулирующее» воздействие. Строгие нормы совести и морали в этот момент как бы отступают, освобождая место чувствам, дремавшим доселе в тайниках души. Отсюда так много любовных историй и романов, появляющихся во время отпусков, путешествий и служебных командировок. Тот факт, что такие любовные отношения изначально ограничены во времени, устраняет все сомнения и страхи.

Что такое любовь!

Любовь — это одна из величайших страстей, на которые способен человек. А так как любовь — это акт нашего воображения, понять ее до конца невозможно. Платон определил любовь как поиск человеком своей потерянной половины и стремление стать единым целым.

Страх перед любовью

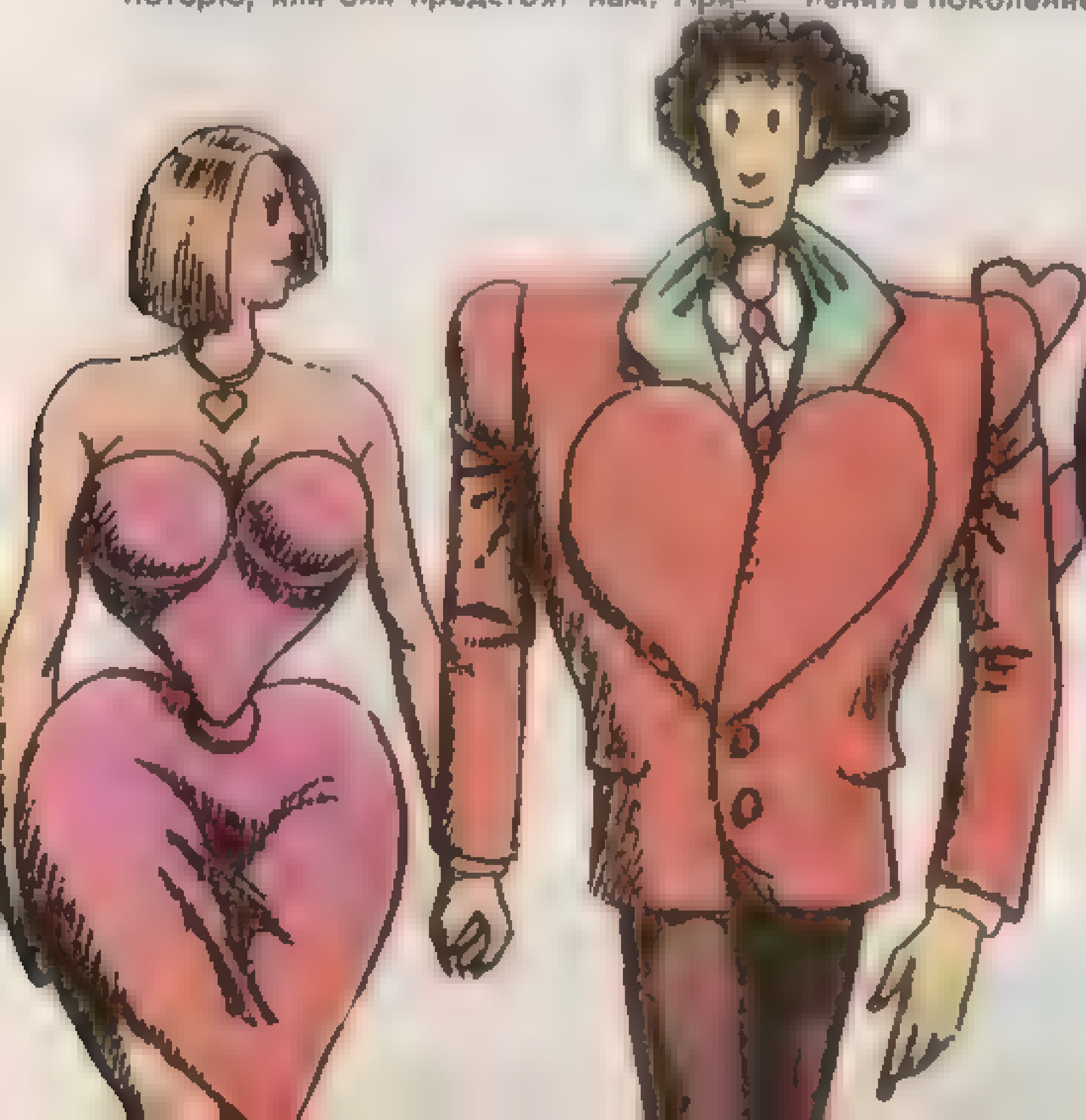
То, что мы испытываем страх перед любовью, совсем неудивительно. Ведь, влюбляясь, человек идет на риск: он должен открыться, довериться другому, а в ответ может получить отказ. В следующий раз человек, переживший такое, откроется в своей любви лишь тогда, когда будет уверен в том, что в ответ услышит от любимого «Я тоже люблю тебя». Влюбленные всегда пребывают в тревоге за свое и — еще больше — за ответное чувство. Кто из нас не знает о передающемся из поколения в поколение трогательном ритуале обрывания лепестков ромашки: «Любит — не любит — к сердцу прижмет — к черту пошлет»? И когда влюбленный спрашивает: «О чем ты думаешь?» — можно не сомневаться, он ждет ответа: «Всегда и только о тебе!»

От радостного ликования к смертельной тоске

Состояние любви связано с появлением капризов, требований, состояниями мечтательности и блаженства, которые сменяются желанием уединиться, пресыщением или сомнениями в искренности чувств любимого человека. Эти колебания продолжаются до тех пор, пока обе стороны не убедятся в силе чувств друг друга или пока одна из сторон окончательно не потеряет надежду.

Все вертится вокруг любви

Разумеется, влюбленные хотят быть все время вместе. Если это по каким-либо причинам невозможно, они постоянно пребывают в мыслях друг о друге или с постоянством, граничащим с одержимостью, ведут с друзьями бесконечные разговоры о предмете



своей любви. При этом они твердо убеждены, что по-настоящему их никто все равно не поймет, потому что только им одним (ну может быть, еще некоторым литературным героям) открылось истинное таинство любви.

Почему именно он или она!

С течением времени в душе каждого из нас создается образ любимого (любимой). Для некоторых предмет их любви должен быть одновременно предметом зависти со стороны окружающих, это должен быть человек, достойный преклонения и восхищения. Другие же готовы полюбить человека, нуждающегося в опеке, заботе, поддержке. Либо это должен быть человек, обладающий теми свойствами души и характера, о которых мы втайне мечтаем сами. А иногда в нашем подсознании пребывает образ человека, полностью соответствующий воспоминаниям о нашей первой любви.

Первые ссоры

Это не самое страшное, что может произойти с влюбленными. Их любовь, пройдя испытания ссорами и размолвками, выходит победительницей. Теперь они знают: чтобы удержать любовь, необходимы компромиссы, которые сохранят их друг для друга и укрепят их чувство. Самое главное — это то, что нас двое, что мы вместе, что мы — это МЫ.

Стоит любить!

Любовь — движущая сила перемен. Она дает нам мужество и силы преодолеть собственные психологические барьеры, освободиться от сковывающих нас привычек и давящего инстинкта самосохранения. Любовь дарит нам отвагу начать новую жизнь, осуществить новые планы, взять на себя новую ответственность. Любовь — прекрасная возможность подтянуть ослабшие было душевные струны. Страх перед любовными страданиями — ничто по сравнению с осознанием того, что ты никогда не любил, не рисковал, а значит, не жил.

Расставание

По этому поводу давать советы грешно. И уговаривать человека относиться к потере любви с юмором тоже бесполезно. Но вот несколько юмористических советов девушкам, данных американским журналом «Космополитэн». Может, и юноши из них кое-что почерпнут? По крайней мере, узнают, как НЕ НАДО вести себя с любимыми.

МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ СВОЕМУ ДРУГУ «УХОДИ», ЕСЛИ ОН...

Говорит: «Хорошо бы сейчас выпить кофе!», а оказавшись в квартире, бормочет: «Да кому он нужен, этот кофе!», и начинает приставать с объятиями.

Смотрит на фотографию вашей сестры и говорит: «Вот это да! Классная чувиха!»

Плюхается на диван, включает телевизор, по которому транслируется хоккейный матч, и говорит: «Посмотрю немножко, пока счет не объявят».

Наступает сапожищами на хвост вашему любимому коту и не обращает внимания на его жалобные вопли.

Просит разрешения позвонить по вашему телефону, и следующее, что вы слышите: «Алло! Это Париж?»

Смотрит детские мультяшки про кота и мышку и начинает ржать: «Ой не могу! Ну дают!»

Наливает себе в стакан полбутылки виски

Намекает, что у него плоховато с деньгами и что квартира, которую он снимает, явно мала, а вот ваша для двоих в самый раз.

Просит продать ему старинное кресло-качалку вашей бабушки.

Моет руки в раковине на кухне и вытирает их о занавеску.

Перелистывает и внимательно читает записи в вашей телефонной книжке.

Аккуратно поправляет складочки и бантики на занавесках и любовно переставляет салатницы и конфетницы на столе

Просит запереть в ванной вашу собаку: он их с детства боится.

Открывает журнал с фотографиями знаменитостей и произносит: «Что бы я только ни дал, чтобы познакомиться с Мадонной!»

Просит приготовить ему простенький бутербродик — так, ничего особенного: хлебушек с колбаской или с ветчиной, можно листик салата, спасибо, майонеза не надо — ему хочется слегка перекусить после этого дурацкого похода в кино

Предлагает вам покурить «травку».

Охотно рассказывает о достоинствах своей предыдущей подруги.

Глядя на репродукцию картины Моне «Кувшинки», спрашивает, не вы ли сами это нарисовали.

Приносит с собой видеокассету неприличного содержания и настойчиво предлагает посмотреть

Снимает пиджак, ослабляет галстук, кладет ноги на журнальный стол и как бы ждет чего-то

Смотрит телевизор, пока вы занимаетесь ужином.

Жалуется, что потерял многих друзей с тех пор, как начал встречаться с вами...

Перевод С. КАВТАРАДЗЕ

К интервью с советскими спортивными звездами всегда приступаешь со смешанными чувствами и никогда не знаешь, что из этого получится. Тридцатидвухлетний Вячеслав Фетисов, живая легенда советского хоккея, не дает повода для каких-либо сомнений: «Через десять минут я в вашем распоряжении»,— коротко бросает он, выходя после завтрака из ресторана отеля «Эден».

Фетисов — лучшее, что мог предложить Советский Союз мировому хоккею. Уэйн Грецки, бог канадского хоккея, высказался так: «Фетисов — самый сильный защитник в мире и настоящая сенсация для североамериканской лиги профессионалов». Можно сказать, что такая характеристика — букет цветов от суперзвезды своему собрату по спорту, тому, кто на узких лезвиях коньков чувствует себя гораздо увереннее, чем большая часть человечества в удобных уличных ботинках.

На банковский счет того, кто так знаменит, как Фетисов, стекаются жирные американские доллары от Национальной хоккейной лиги (НХЛ). Свой спортивный талант майор Советской Армии поставил на службу команде «Дьяволы» из штата Нью-Джерси, а договорились они об этом еще в 1988 году на Олимпийских играх.

А теперь вернемся к интервью. «Лет'с гоу!»— слышу я за спиной голос, произносящий фразу почти без акцента. В дверях ресторана, заполняя мускулистой фигурой почти весь дверной проем, стоит Вячеслав Фетисов. Перестройка и вправду действует: Фетисов готов к интервью и охотно садится в машину. Всего год назад было бы просто невозможно проехаться со знаменитым советским спортсменом без сопровождения. На любые просьбы и предложения журналистов господа политкомиссары всякий раз отвечали решительным: «Нет!» Фетисов говорит тихо, словно все еще остерегается непрошеных слушателей, но без признаков скованности. «Там, в Штатах, в НХЛ, мне пришлось научиться свободному общению с вашим братом журналистом, что, в общем-то, есть часть нашей работы»,— говорит он, как бы прочитав мои мысли...

«Там в Штатах» Фетисов познакомился и с роскошью. На его запястье поблескивают шикарные часы от Картье, которые он носит так же естественно и небрежно, как обращается с клюшкой на льду: ничего особенного. За один сезон в США из товарища Фетисова он превратился в миллионера А долларовый дождь не прекращается, контракт с «Дьяволами» Нью-Джерси рассчитан еще на два года. О точных суммах, выплачиваемых по контракту, Фетисов говорить не склонен. По меньшей мере в этом отношении он отличается от своих западных коллег. Более конкретно по этому вопросу высказывается лучший американский форвард,

играющий за «Дьяволов», Марк Джонсон, упрямый и яростный противник Фетисова на мировом чемпионате в Швейцарии: «Слава заработал где-то пару миллионов долларов». «Слава»— уменьшительное имя Фетисова. Да и кто из команды смог бы правильно и быстро выговорить его полное имя — Вячеслав?

То, что Вячеслав Фетисов выступал за советскую сборную в Берне и Фрайбурге, дело вовсе не само собой разумеющееся. Как-никак, а два года назад он в пух и прах разругался с всемогущим главным тренером сборной Виктором Тихоновым. Ответ Фетисова четок и продуман: «Для самого Тихонова я бы и пальцем не пошевелил. Но за свою страну я готов постоять по первому зову». Фетисов не упускает возможности, чтобы открыть огонь по своему могучему шефу: «Этот человек не вписывается в наше время, он просто невыносим. Нашим парням нужны молодые тренеры». Видно, обида на Тихонова засела в нем глубоко, как заноза.

Богатый русский

Клаус ШУМАХЕР,
швейцарский журналист

Фетисов, однажды отличившийся тем, что в Киеве подрался с милиционерами, может позволить себе критику в столь грубой форме. У членов сборной и вообще в хоккейной элите он по-прежнему считается игроком высочайшего класса, на которого, несмотря на его дружеское отношение к ним, смотрят снизу вверх молодые хоккеисты. Дружескими можно назвать и его отношения с игроками команды Нью-Джерси, хоть иногда его русская душа и дает себя знать. Вячеслав со смехом замечает: «Жизнь в Америке просто сумасшедшая. Американцы сразу же из всего хотят сделать бизнес». Во всяком случае, бизнес у «Дьяволов», несмотря на крупные расходы, идет неплохо. «С тех пор, как Слава стал играть у нас, зрительские трибуны всегда заполнены, заметнее стал и спортивный успех»,— сказал Марк Джонсон.

То, что стало успехом для «Дьяволов», обернулось проигрышем для швейцарцев. «Сначала я вовсе не собирался играть в НХЛ. Обсуждался вопрос о моем переходе в швейцарскую команду, и я уже было принялся зубрить немецкий»,— добродушно смеется Фетисов. Спорткомитет СССР, занимавшийся торговлей звездами советского спорта до времен перестройки и гласности, решил по-другому

Фетисов явился на интервью с небольшим подарком под мышкой, который получил за завтраком от друзей по команде. С некоторым смущением он признается, что подарок получил по случаю дня рождения. Славе редко удается отпраздновать его с женой и близкими друзьями, потому что 20 апреля, как правило, приходится на дни чемпионатов мира, в одиннадцати из которых он участвовал, из шести вернулся с золотой медалью, а седьмая ждала его в Берне.

И на этот раз жена Лада могла поздравить и пожелать ему счастья только по телефону. Позвонила она из Уэст Оранджа, городка, расположенного неподалеку от Нью-Йорка, где в красивом особняке живет чета Фетисовых, по замечанию Марка Джонсона, «не выставляя напоказ свое благополучие». Живут они пока вдвоем. «Детей мы хотим, но они должны родиться в России,— тихо говорит Фетисов.— Наверное, я когда-нибудь вернусь в Россию, там все сейчас меняется. Чем это все кончится? По-настоящему я об этом еще не задумывался»

Жизнь в США — это жизнь в другом мире, в том числе в другом хоккейном мире. Философию североамериканского хоккея Фетисов усвоил довольно быстро: «Они там играют в бешеном темпе, и ты или вписываешься в него, или вылетаешь». По словам Уэйна Грецки, игрок такого класса, как Фетисов, свободно приспосабливается к любой тактике, любому стилю игры.

Наша машина подъезжает к стадиону «Алльменд». Охранник мгновенно открывает ворота: таких, как Вячеслав Фетисов, сразу же узнают и в Берне — по фигуре, отдаленно напоминающей Чарльза Бронсона[1], по шрамам на лице, следам многочисленных ледовых баталий.

Охотники за автографами не заставляют себя ждать. Фетисов достает черный фломастер и терпеливо пишет свою фамилию, а под ней цифру 2, номер, под которым он выступает в национальной сборной СССР. Магический номер лучшего хоккейного защитника в мире.

Перевела с немецкого С. АЛИСОВА

---

[1] *Известный американский киноактер.*

со стр. 9

нием и поддержкой швейцарских властей, освобожден в Швейцарии от уплаты налогов. Фонд, который раз в год устраивает в Базеле большой благотворительный праздник, выручка с которого идет на оплату все того же школьного обучения.

Как сами дети относятся к этим деньгам? И что эти деньги значат для нас? Не откупается ли наше «общество изобилия» от проблем третьего мира, отдавая мелочь и оставляя себе крупные суммы? Может быть. Но что с того? Детям из фавелы совершенно все равно, что деньги дал какой-то неврастеник из Европы, мучимый стыдом и переживающий, что должен жить в сытости, когда столько людей голодают — им важно, что деньги есть, что они могут оплатить школу и получить место под солнцем. Для них это главное. И, глядя на поступок Мансутти, любителя выпить и пофлиртовать, имеем ли мы право сказать хоть что-нибудь неодобрительное о его инициативе? Вряд ли. Ведь мало кто из нас сделал в своей жизни что-либо похожее

У самого Мансутти вполне разумное отношение к «его» детям. Он не строит из себя «спасителя», «опекуна», «отца несчастных детишек». Он просто старается быть менеджером тех детей, которых взял под свою опеку. Он просто хочет поставить дело так, чтобы оно приносило максимум пользы. Его друг Отто Энгель — немец, происходящий из семьи, которая переселилась в Бразилию четыре поколения назад, и потому отлично знающий все трюки и уловки бразильской бюрократии, заботится в Рио о том, чтобы пожертвованные в Швейцарии деньги (полмиллиона франков в год [1]) были бы использованы наилучшим образом. Это означает: только на оплату школьного образования. И только тогда, когда существует реальный шанс, что эти деньги действительно помогут. «Если мы, например, оплатим школу малолетке-карманнику, у которого нет родителей, то таким образом вряд ли что-либо изменим в его жизни. Чтобы ребенок смог учиться и преуспевать в дальнейшем, у него должна быть семья или хотя бы остатки семьи». Это довольно-таки жестокий подход. Но одного не отнимешь — это подход деловой и подход людей, которые дорожат каждым франком.

Большинство детей, которые веселятся в парке во время праздника, как правило, понятия не имеют, кто такой этот взрослый, который ходит и улыбается среди них. Но потом кто-то из них обязательно придумывает, что надо спихнуть его в бассейн — и вот фотограф из Базеля летит в воду и барахтается там среди темнокожих мальчишек и девчонок.

Перевел с немецкого А. АНИН

[1] *Полмиллиона швейцарских франков равны 190 тысячам рублей по официальному курсу.*

МОЯ ЖИЗНЬ В БЕЛОМ ДОМЕ

Нэнси РЕЙГАН

Меня часто спрашивают, на что была похожа жизнь в Белом доме, каков ее распорядок. Наш день обычно начинался в половине восьмого утра. Я нажимала кнопку рядом с кроватью, и на втором этаже, на кухне, раздавался звонок. Через минуту в нашу комнату входил дворецкий Белого дома и приносил завтрак. Завтрак был всегда одним и тем же: апельсиновый или грейпфрутовый сок, каша с молоком и кофе, не содержащий кофеина. Ронни съедал еще тост с медом, раз в неделю мы ели яйца

Примерно через месяц после того, как мы переехали в Белый дом, мы получили от службы церемониймейстера счет за питание, что меня крайне удивило: нас никто не предупреждал, что президент и его супруга должны оплачивать свои расходы на еду, бытовые услуги — химчистку, например,— платить за все, вплоть до мыла и зубной пасты, что клали в ванную комнату горничные. Мы платили и за наших друзей К счастью, официальные обеды, которые президент давал в честь высоких визитеров, оплачивались государственным департаментом. Многим, наверное, кажется, что за все платит Белый дом, но это вовсе не так.

Личные апартаменты президента расположены на втором и третьем этажах основного здания (в основное здание Белого дома не входит Западное крыло, построенное в 1902 году, и Восточное, законченное в 1942-м) Эти апартаменты гораздо меньше, чем кажется со стороны. Но нам с Ронни и не нужно было много комнат. Правда бывали дни, когда лишние спальни не помешали бы — например, при вступлении президента в должность, на Рождество, после покушения на Ронни

Наша дочь Морин обычно останавливалась в спальне Линкольна. На самом деле президент Линкольн никогда не спал в этой комнате — он проводил здесь заседания своего кабинета. А спальней ему служила та же комната, что и нам. Ни Ронни, ни я никогда не видели легендарного призрака Линкольна, но Денис, муж Морин, однажды ночью проснулся и увидел туманную фигуру у камина. Морин только смеялась, пока тоже, неожиданно проснувшись, не увидела фигуру, одетую вроде бы в красный костюм. Сначала она подумала, что это отец в своем красном халате, но потом, вглядевшись, заметила, что фигура-то прозрачная! Морин утверждает, что призрак смотрел в окно, а перед тем как исчезнуть, оглянулся и посмотрел на нее

Ронни потешался над этими расска-

зами. «Если ты снова увидишь президента Линкольна,— говорил он,— пошли его вниз. У меня к нему есть ряд вопросов». Но даже Ронни начал сомневаться, когда как-то ночью наша собака, Рекс, залаяла и побежала к спальне Линкольна. В то время там никого не было. Рекс продолжал лаять, и Ронни вошел в комнату. Он огляделся, но ничего там не увидел, а Рекс отказался заходить наотрез.

Мы с Ронни любили Белый дом, но нам было трудно жить в месте, где даже некуда выйти погулять. Мы оба любим свежий воздух и очень скоро стали чувствовать себя чуть ли не пленниками. И потому — благодарение Богу за Кэмп-Дэвид!

Кэмп-Дэвид — загородная резиденция Президента США в семидесяти милях к северу от Белого дома. Первым из президентов, посещавших ее, был Франклин Рузвельт; Эйзенхауэр назвал это место Кэмп-Дэвидом в честь своего внука.

Кэмп-Дэвид — единственное уединенное прибежище американского президента, и каждый президент делал все, чтобы сохранить его именно таким. Так же поступали и мы — даже ближайшие советники Ронни бывали в Кэмп-Дэвиде нечасто.

С нами постоянно ездили туда Джон Хаттон, врач Белого дома; Джим Кен, личный помощник Ронни; Марк Вейнберг, помощник пресс-секретаря; кроме того — помощник по военным вопросам, всегда сопровождающий президента с портфелем со специальными шифрами на случай атомной войны.

Итак, по пятницам мы покидали Белый дом. Когда мы прибывали в Кэмп-Дэвид, было уже поздно ехать кататься верхом, к тому же Ронни одолевали телефонные звонки: если вы президент, для вас не существует такого понятия, как отпуск или выходной — вы всегда должны изучать сводки, читать документы, просматривать донесения, работать над текстами своих выступлений и принимать решения. Даже заблудившись в горах, вы по-прежнему президент, и мир движется все так же.

В хорошую погоду мы катались верхом. Я всегда ехала позади Ронни, потому что наши лошади не любили друг друга: лошадь Ронни все время норовила лягнуть мою.

Когда я повстречалась с Ронни, я почти ничего не знала о верховой езде, но быстро сообразила, что, если хочу выйти за него замуж, придется садиться в седло. Я до сих пор помню, как он, в первый раз подсаживая меня на лошадь, сказал: «Это просто. Ты только должна показать ей, кто здесь хозяин». Лошадь была огромной. Помню, я подумала, что это самая ужасная глупость из тех, что мне доводилось слышать. В конце концов и лошадь, и я сошлись в одном: мы оба поняли, кто был настоящим нашим хозяином. Я по-прежнему не самый большой на свете любитель верховой езды, и все так же боюсь, что лошадь меня сбросит.

Для меня в Кэмп-Дэвиде самым приятным было то, что никто не обсуждал моих попыток что-то изменить и обновить: Кэмп-Дэвид вне досягаемости журналистов, и никто никогда не знал, что я там делаю. Я ничего основательно и не меняла: так, сняла кое-какие чехлы с мебели и покрасила их. В столовой главного здания постелила новые скатерти, стены выкрасила в белый цвет, нашла в кладовой и повесила несколько старых картин на военную, военно-морскую и морскую темы. А когда я увидела, какие узенькие окна в наших домиках, я распорядилась их увеличить, так что теперь новая администрация может наслаждаться изумительными видами.

А раза три-четыре в год мы ездили в наше ранчо под Санта Барбарой — мы купили его после того, как Ронни избрали губернатором Калифорнии.

Ронни был так здесь счастлив! Он любит свежий воздух, любит строить, пилить деревья, подравнивать кустарник, рубить дрова для двух каминов — единственного источника тепла. Ранчо расположено на вершине горы, и, когда попадаешь туда, весь мир исчезает. Здесь, как и в Кэмп-Дэвиде, мы были совершенно одни, не считая охраны, врача Белого дома и помощника по военным вопросам.

Хотя территория ранчо довольно большая, всех наших гостей всегда поражают небольшие размеры дома, построенного более сотни лет назад — всем кажется, что дом Рейгана должен быть большим и изысканным. Однажды к нам на ранчо заехали Джордж и Барбара Буш. Я помню слова Барбары: «Знаешь, Нэнси, этот дом показал мне тебя совсем с другой стороны». Журналисты очень много писали о моей якобы любви к роскоши, но те, кто бывал на ранчо, видели небольшой дом с двумя спальнями, с мексиканскими ковриками, плетеными стульями и грудой газет, сваленных на столике у бассейна. Над входом загадочная надпись: «На этом участке в 1897 году ничего не произошло».

В марте 1983 года мы пригласили посетить ранчо королеву Елизавету и принца Филиппа. Их визит в Калифорнию совпал с ужасным ураганом и ливнем, погода была настолько отвратительной, что они даже не были уверены, что смогут сойти с корабля, однако королева оказалась настоящей молодчиной и не изменила своего решения. Дорога к ранчо была такой грязной, что королева и принц вынуждены были ехать в «лендровере». Но, несмотря на отвратительную погоду, королева была в хорошем расположении духа. «Не говорите глупости,— услышала я в ответ на свои попытки извиниться.— Это — приключение».

Спустя неделю королева и принц Филипп дали на борту королевской яхты «Британия» обед в честь годовщины нашей с Ронни свадьбы. Чего еще могла бы желать простая американская девчонка? Ронни поднялся и сказал: «Я многое обещал Нэнси тридцать один год назад, но такого — никогда»

Это был незабываемый вечер — надо же, отпраздновать годовщину собственной свадьбы на королевской яхте! Шеф-повар сделал специально для нас пирог, а команда подарила невероятных размеров поздравительную открытку. Королева и принц Филипп тоже сделали нам подарок: серебряную шкатулку с гравировкой.

Шкатулка все еще у нас, но мы были вынуждены выкупить ее у правительства Соединенных Штатов. Да, мы должны были выкупить подарок, сделанный на годовщину нашей свадьбы. Существует правило, по которому дар от любого иностранного официального лица становится собственностью правительства, если его стоимость превышает 180 долларов (год от года, в зависимости от уровня инфляции, цифра колеблется). Это закон, и не важно, насколько этот подарок носит личный характер, пусть даже на нем выгравировано ваше имя или инициалы. Мы с Ронни хотели иметь какие-нибудь вещественные напоминания о восьми проведенных в Белом доме годах, поэтому до того как расстаться с ним, мы выкупили несколько полученных нами подарков.

Правда, нам разрешалось оставлять подарки от наших собственных друзей, но Ронни обязан был заявлять о каждом из них. Эти сведения моментально становились достоянием общественности. Да еще каждый год в апреле в газетах публиковались наши налоговые декларации.

В течение восьми лет в Вашингтоне я почти никогда не имела при себе денег, за исключением тех случаев, когда шла делать маникюр. За все это время моей ноги не было ни в супермаркете, ни в каком-нибудь другом магазине, кроме магазинчика, торгующего открытками на Семнадцатой улице: каждый шаг обитателя Белого дома сразу же попадает в газеты.

Где-то в середине второго президентского срока я стала присматривать жилье: ведь приходило время покинуть Вашингтон. Я нашла прекрасный дом в Лос-Анджелесе, но не могла принять такое важное решение, не показав его Ронни.

С другой стороны, я не хотела ехать туда в сопровождении обычного кортежа из дюжины автомашин, включая машину, набитую агентами секретной службы. Однажды днем, когда мы были в Лос-Анджелесе, я уговорила Ронни лечь на пол машины, чтобы его не было видно, и мы смогли уехать из гостиницы, чтобы взглянуть на дом, не ставя об этом в известность прессу и не причиняя неудобства будущим соседям. Слава Богу, дом Ронни понравился!

Я так гордилась собой: мне наконец-то удалось сделать что-то, о чем пресса не узнала. Мы хранили это в секрете почти два года, а по меркам Вашингтона это почти вечность!

Перевела с английского Н. ХРОПОВА

The Cars

L

«LIEGE LORD». («Лидж лорд»), группа «Сеньор» образовалась в 1983 г. в США.

Исходный состав: Мэтт Винчи, бас; Фрэнк Кортезе, уд.; Тони Тругпио, гит., вок.

Первоначально трио (под названием «Deceiver») копировало известные хиты таких англ. гр., как «Judas Priest» и «Iron Maiden», и это наложило отпечаток на стилистику гр. Затем к трио присоединился вокалист и второй гитарист, и гр. взяла название «Л.л.». Независимая французская компания «Блэк дрэгон» согласилась выпустить дебютный альб., и он произвел настоящий фурор в мире хэви метал-рока.

После ряда изменений состава «Л.л.» записали второй альб., в котором прослушиваются элементы трэш-метал, хотя в целом стилистика группы в тот период ближе к спид-метал с виртуозными балладными «вставками».

В записи третьего — пока последнего — альб. принимал участие новый вокалист; в настоящее время о судьбе «Л.л.» ничего не известно.

Пл.: Freedom's Rise, 1985; Burn To My Touch, 1987; Master Control, 1988.

Изменения состава: 1984+Энди Мишо, вок.,+Пит Маккарти, гит.; 1986 — Маккарти,+Пол Нельсон, гит.; 1988 — Мишо,+ +Джой Камин, вок.

«LILLIAN AXE». («Лиллиэн экс»), группа «Лиллиан Топор» (мифическая воительница у древних викингов) образовалась в 1983 г. в США.

Состав: Стив Блейз, соло-гит.; Рон Тейлор, вок.; Джон Стер, гит., клав.; Роберт Страттон, бас; Дэнни Кинг, уд.

«Л.э.» — одна из немногих новоорлеанских групп, исповедующих тяжелый рок (этот город славен своими джазовыми традициями). Нынешний состав «Л.э.» возник в результате слияния старой гр. «Lillian Axe» (от которой остались С. Блейз и Д. Кинг) и гр. «Stiff»; лидером стал С. Блейз.

Дружба С. Блейза с музыкантами известной группы «Ratt» помогла «Л.э.» получить контракт с фирмой «Эм-си-эй», а продюсировал дебютный альб. гитарист «Ratt» Роббин Кросби. «Л.э.» также выступали на одних площадках с «Ratt».

Альб. появился в начале 1988 г., и, поскольку оказался почти точной копией работ «Ratt», особого успеха не имел. Для подготовки следующей пл. музыканты пригласили продюсера Тони Плэтта, и их второй альб. получился значительно жестче и мелодически разнообразнее. Две композиции — рок-н-ролл «Diana» и баллада «The World Stopped Turning» — вошли в Top 10 англ. «тяжелого» хит-парада, а сам альб. получил высшую оценку журнала «Керранг!»

«Л.э.» наметили гастроли по Англии, но внезапно фирма «Эм-си-эй» лишила их финансовой поддержки, и сейчас судьба «Л.э.» выглядит весьма проблематичной.

Пл.: Lillian Axe, 1988; Love And War, 1989.

«LION». («Лайон»), группа «Лев» образовалась в 1985 г. в США.

Состав: Кэл Суон, вок.; Дуглас Олдрич, гит.; Джерри Бест, бас; Марк Эдвардс, уд.

Этой амер. группе еще предстоит борьба за место под солнцем, но незаурядные способности всех членов «Л.» дают основания для самых оптимистических прогнозов.

Сразу же после образования «Л.» получили контракт с независимой фирмой «Скотти бразерз» и, избежав неизбежной для молодой гр. работы в клубах, сразу же приступили к записи альб., который появился в 1987 г. Несмотря на ограниченный тираж пл., слушатели оценили серьезность намерений новой группы: «Л.» играла «мрачно и тяжело», но в основе композиций лежали классические блюзовые структуры.

Гр. предприняла тур по Японии, где записала мини-альб., вошедший в японский хит-парад, сменила фирму грамзаписи и приступила к работе над вторым альб.

Новый диск стилистически отличается от первого, в нем отчетливо прослеживаются элементы, присущие исполнителям, которые оказали влияние на музыкантов «Л.» (К. Суон — страстный поклонник Гленна Хьюза, Д. Олдрич как сейшнмен работал с Р. Дж. Дио, а М. Эдвардс вместе с И. Мальмстином входил в состав «Steeler»). Среди несомненных удач пл.— оригинальная версия песни «Lock Up Your Daughters», созданной знаменитым «Slade», и композиция «Trouble In Angel City», которая достигла 6 места в англ. хит-параде.

В настоящее время «Л.» работают над записью двойного студийного альб.

Пл.: Dangerous Attraction, 1987; Power Love, 1988 (mini-LP); Trouble In Angel City, 1989.

«LITTLE ANGELS». («Литтл эйнджелз»), группа «Маленькие ангелы» образовалась в 1985 г. в Великобритании.

Состав: Тоби Джепсон, вок.; Майкл Ли, уд.; Марк Планкетт, бас; Джимми Дикинсон, клав.; Брюс Джон Дикинсон, гит.

Эта группа дебютировала в 1987 г. сорокапяткой «Маленькие ангелы» — успех был настолько оглушительным, что «Л.э.» присвоили титул «единственная надежда доброй старой Англии». Следом вышел мини-альб., целиком выдержанный в манере де-[illegible].

Англ. муз. критика делала прогнозы относительно первого «полноценного» диска, но вместо него «Л.э.» вновь выпустили сорокапятку, правда, на этот раз на солидной фирме «Полидор» (первые работы издавала независимая англ. фирма грамзаписи). Эта пл. оказалась настолько популярной, что вышедший по ее следам «большой» диск был уже обречен на успех.

Стремительную карьеру «Л.э.» можно объяснить тем, что группа отказалась от ставшего традиционным амер. коммерческого саунда — музыка гр. настолько самоценна, что в ней трудно проследить влияние «классиков рока» (хотя в отдельных композициях улавливаются ходы, характерные для ранних «Bad Company» и «Queen»). Стоит отметить, что часть композиций, вошедших в альб., написана в соавторстве с Дэном Ридом, лидером группы «Dan Reed Network».

1990 г. «Л.э.» проводят в гастрольном турне по США.

Пл.: Little Angels, 1987 (EP); Too Posh To Mosh, 1988 (mini-LP); Big Bad, 1989 (EP); Don't Pray For Me, 1989; Get Radical, 1990 (EP).

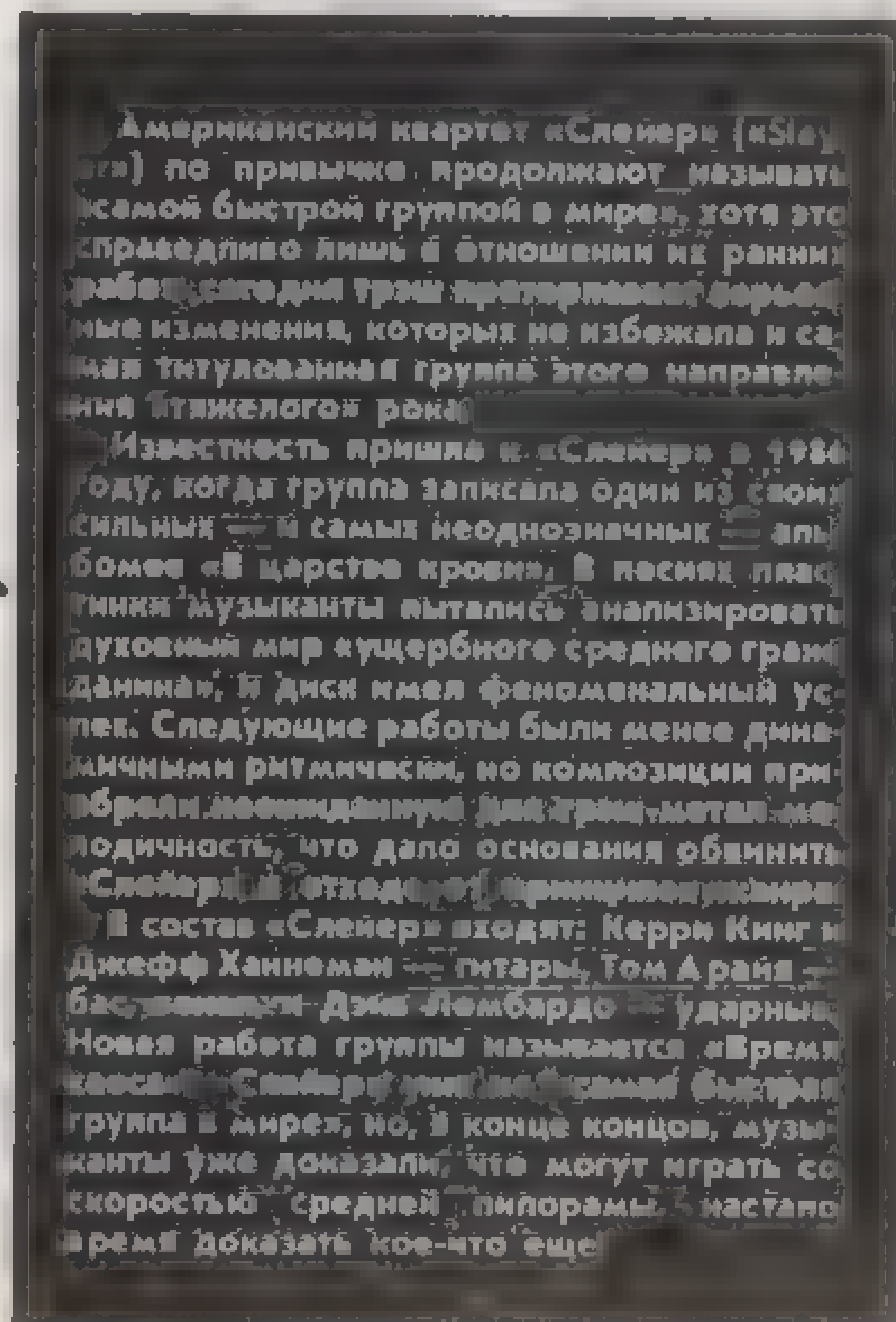
«LITTLE FEAT». («Литтл фит»), группа «Маленькие ножки» (мисспелл от «Little feet» — намек на более чем скромный размер обуви лидера группы Л. Джорджа) образовалась в 1969 г. в США.

Исходный состав: Лоуэлл Джордж, гит., гармоника, вок.; Билл Пейн, клав., вок.; Ричард Хейуорд, уд.; Рой Эстрада, бас.

«Л.ф.» организовали Л. Джордж и Р. Эстрада, ранее входившие в состав группы Фрэнка Заппы «Mothers Of Invention». К ним присоединились Р. Хейуорд, игравший в группе «Flaternity Of Man», и пианист с классическим образованием Б. Пейн.

С самого начала «Л.ф.» предложили слушателю колоритнейшую смесь из всевозможных «южных» стилей — блюз, кантри,

РЭР вне очереди


Американский квартет «Слейер» («Slayer») по привычке продолжают называть «самой быстрой группой в мире», хотя это справедливо лишь в отношении их ранних работ, сегодня трэш претерпевает серьезные изменения, которых не избежала и самая титулованная группа этого направления «тяжелого» рока.

Известность пришла к «Слейер» в 1986 году, когда группа записала один из своих сильных — и самых неоднозначных — альбомов «В царстве крови». В песнях пластинки музыканты пытались анализировать духовный мир «ущербного среднего гражданина», и диск имел феноменальный успех. Следующие работы были менее динамичными ритмически, но композиции приобрели неожиданную для трэш-метал мелодичность, что дало основания обвинить «Слейер» в отходе от [illegible].

В состав «Слейер» входят: Керри Кинг и Джефф Ханнеман — гитары, Том Арайя — бас [illegible] Дэйв Ломбардо — ударные. Новая работа группы называется «Время [illegible] «Слейер» уже не «самая быстрая группа в мире», но, в конце концов, музыканты уже доказали, что могут играть со скоростью «средней» пилорамы, и настало время доказать кое-что еще.

SLAYER

госпел, рокабилли, буги, новоорлеанский ритм-энд-блюз, мемфисский фанк. Первые три альб. были выполнены на редкость профессионально (что неудивительно, учитывая предыдущий опыт музыкантов) — работы получили великолепные рецензии в муз. прессе, однако покупали их неохотно. Группа расширила состав участников, но и этот шаг не дал положительного результата, и в начале 1973 г. «Л.ф.» распалась.

В течение года Л. Джордж и Б. Пейн работали в качестве сейшнменов («Doobie Brothers», Бонни Райт, Джон Себастьян, Роберт Палмер и др.) и в 1974 г. вновь собрали «Л.ф.». Первый же альб. разошелся тиражом 100 тыс. экз.; группа выступала с концертами в Англии, открывая программу группы «The Who».

Постепенно Л. Джордж уступил позицию лидера, и основными композиторами «Л.ф.» стали Б. Пейн и Поль Баррэр. Наконец, в 1978 г. группа выпустила двойной концертный альб. «В ожидании Колумба», который в короткое время стал «золотым»; в том же году Л. Джордж продюсировал пл. «Grateful Dead».

В апреле 1979 г., при записи альб. «На ферме», группа вновь распалась — Л. Джордж начал удачную сольную карьеру, но 29 июня 1979 г. в результате сердечного приступа умер. Ему было 34 года. В 1981 г. музыканты выпустили еще один двойной альб. (студийный), в который вошли вещи, отбракованные при подготовке предыдущих пл.— к удивлению специалистов, этот альб. оказался едва ли не самым лучшим среди всех дисков «Л.ф.».

После почти семи лет работы по отдельности гр. вновь собралась — заменив Л. Джорджа двумя новыми музыкантами, и уже выпустила два альб., которые в целом повторяют прежние работы, хотя сейчас несколько ужесточился саунд.

Пл.: Little Feat, 1971; Sailin' Shoes, 1972; Dixie Chicken, 1973; Feats Don't Fail Me Now, 1974; The Last Record Album, 1975; Two Originals Of Little Feat, 1975 (2LP — совместное издание первого и второго альб.); Time Loves A Hero, 1977; Waiting For Columbus, 1978 (2LP — Live); Down On The Farm, 1979; Hoyl, 1981 (2LP — подборка вещей, не вошедших в предыдущие альб.); The Best Of Little Feat — As Time Goes By, 1986 (сборник); Let It Roll, 1988; Representing The Mambo, 1990.

Изменения состава: 1972 — Эстрада + Кенни Грэдни, бас, + Поль Баррэр, гит., вок., + Сэм Клэйтон, уд.; 1987 — группа собралась в составе: П. Баррэр; С. Клэйтон; К. Грэдни; Р. Хейуорд; Б. Пейн; Крейг Фуллер, вок.; Фред Текетт, гит.

Л. Джордж соло: Thanks, I'll Eat It Here, 1979.

П. Баррэр соло: On My Own Two Feet, 1983.

LITTLE RICHARD. Литтл Ричард (настоящее имя Ричард Пенниман). Родился 25 декабря 1932 г. (по амер. энцикл.) или 5 декабря 1935 г. (по англ. данным). Амер. вокалист, пианист, композитор.

Л.Р. и его 11 братьев и сестер воспитывались в весьма интересной семье: два дяди и дед были священниками, а отец занимался контрабандой виски. Юный Пенниман пел в церковном хоре и учился играть на фортепиано, однако родители не поощряли тягу Л.Р. к музыке, и в 13 лет он покинул дом. Его усыновила белая пара Энн и Джонни Джонсоны, владевшие муз. клубом.

Музыкальная карьера Л.Р. началась в 1951 г. — победив на муз. конкурсе в Атланте, молодой исполнитель взял псевдоним Л.Р. и получил контракт на запись 8 песен. Вышедшие из-под его пера баллады и жесткие блюзы в значительной степени были обусловлены влиянием таких мастеров, как Рой Браун и Билли Райт. В 1952 г. он перебрался в Хьюстон, где до 1955 г. работал с группами «Deuces Of Rhythm» и «Tempo Toppers»; записываемые им синглы пользовались умеренным успехом, и то лишь в пределах Хьюстона. В 1955 г. он начал сотрудничать с оркестром Джонни Отиса, много гастролировал с блюзовым репертуаром — его роковые композиции публика в то время еще не воспринимала.

В том же 1955 г. Л.Р. послал одну из своих фонограмм в лос-анджелесскую фирму грамзаписи, которая, как оказалось, искала вокалиста с очень высоким резким фальцетом — именно такой тембр голоса и был у Л.Р. Арт Руп из фирмы «Спешелти рекордз» подписал с певцом контракт, и 14 сентября 1955 г. Л.Р. приступил к записи песни «Tutti Frutti», которая в 1956 г. вошла в хит-парады США и Англии. За этой композицией последовали другие, также занимавшие места в хит-парадах («Long Tall Sally», 1956 г., 6 место в США, 3 в Англии, «Rip It Up», 1956 г., 17 место в США, 30 в Англии; «[illegible]'s Got It», 1957 г., 15 место в Англии, и др.). В это же время Л.Р. снимается в кино («Рок бессмертен!», 1956 г., «Девушка не поможет», 1956 г. и «Мистер Рок-н-ролл», 1957 г.).

В 1957 г., на самом пике популярности, Л.Р. вдруг прекращает свои выступления — как объяснял сам певец, ему было что-то вроде «видения». Он поступает в музыкальный колледж штата Алабама и становится магистром музыковедения — Л.Р. вновь обращается к религии и присоединяется к церкви адвентистов седьмого дня. Для того чтобы поправить свои финансовые дела, он записывает песню «Keep A Knockin'», которая становится в США восьмой.

Он возвращается в рок-музыку лишь в 1964 г. (все выходившие в период «затишья» альб. записывались гораздо раньше) и сосредоточивается исключительно на религиозных госпелз. Однако в таком качестве публика его не принимает, тем более что с появлением «Битлз» в моду быстро входит совсем иная музыка. Л.Р. пробует себя в самых разных жанрах поп- и рок-музыки, но, поскольку ему больше всего удаются «сырые», неотшлифованные блюзы, он исполняет именно их.

Впоследствии Л.Р. не раз возвращался к церковной музыке, но неизменно терпел крах на этом поприще. 70-е гг. прошли в интенсивных турне, Л.Р. много работал в студии — его дискография уступает разве что Джерри Ли Льюису, такому же «динозавру» рока.

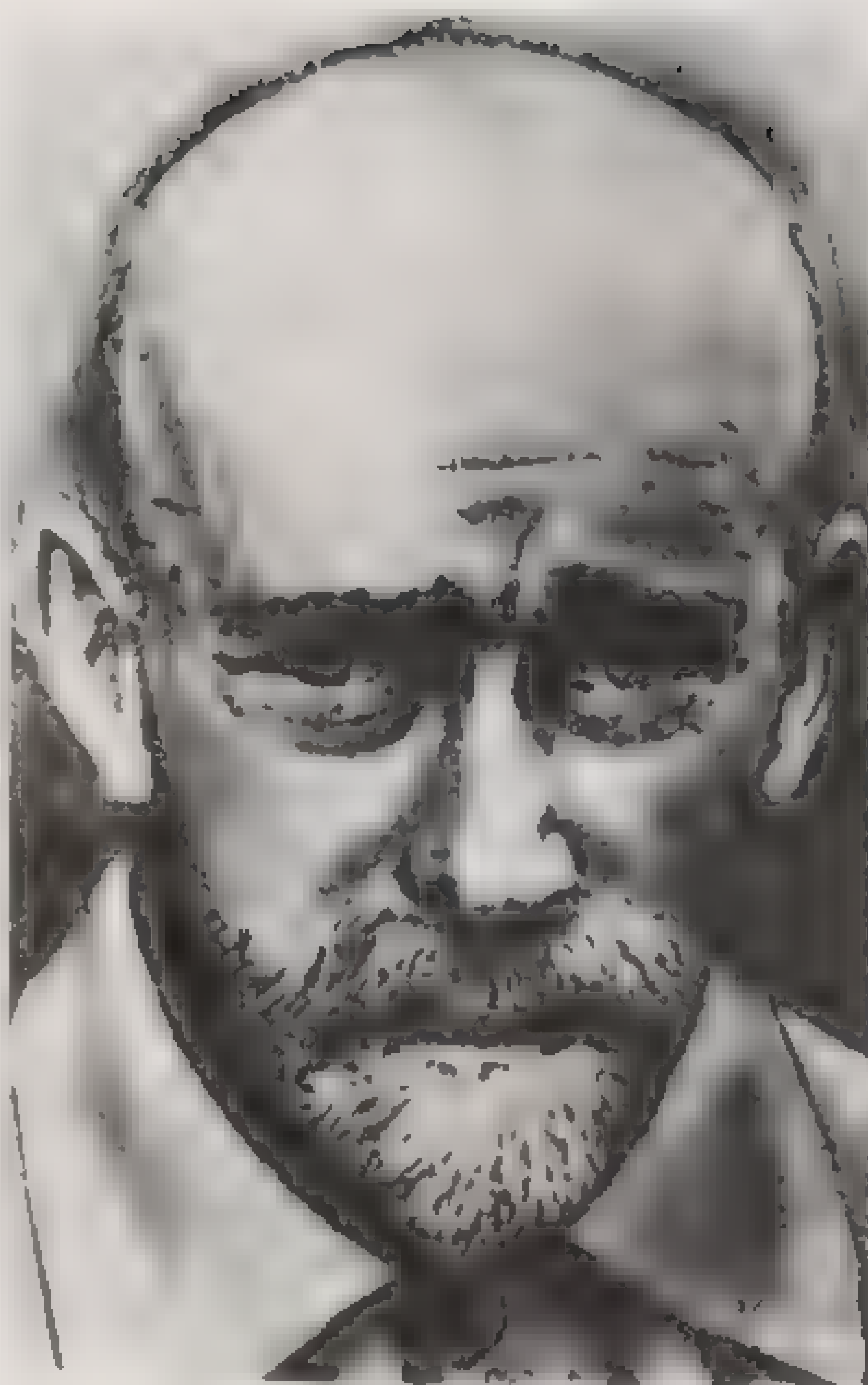
В 1985 г. Л.Р. попал в автомобильную катастрофу и долгое время был прикован к постели — впоследствии это обстоятельство практически свело на нет его концертную деятельность.

Л.Р.— один из первых, кого ввели в символический «Зал славы рок-н-ролла», его песни входят в репертуар самых именитых исполнителей, а сам музыкант по праву считается одним из родоначальников современной рок-музыки.

Пл.: His Biggest Hits, 1957 (сборник самых первых песен); Here's Little Richard, 1958 (EP); Here's Little Richard, 1958; Little Richard 2, 1958; Here's Little Richard 2, 1958 (EP); Little Richard 1, 1958 (EP); Little Richard 2, 1958 (EP); Little Richard 3, 1958 (EP); Little Richard 2, 1958; The Fabulous Little Richard, 1959; Biggest Hits, 1959 (сборник); Greatest Hits, 1959 (сборник); Well Alright, 1959; Grooviest 17 Hits, 1960 (сборник); Little Richard Is Back, 1960; Mr Big, 1961; Rip It Up, 1962; It's Real, 1962; Little Richard Sings Freedom Songs, 1963; Little Richard Story, 1963 (сборник); Slippin' And Slidin', 1963; Coming Home, 1964; King Of Gospel Songs, 1965; Little Richard's Greatest Hits Recorded Live, 1965 (Live LP); Wild And Frantic, 1965; The Explosive, 1967; Little Richard And Roy Orbison, 1970; The Rill Thing, 1971; King Of Rock'N'Roll, 1971; Second Coming, 1971; The Great Ones, 1971 (сборник); All Time Hits, 1972 (сборник); Rock Hard Rock Heavy, 1971; The Original, 1971 (сборник); Little Richard Sings Little Richard, 1972; Best Of Little Richard, 1972 (сборник); The Incredible Little Richard, 1972; You Can't Keep A Good Man Down, 1971; Little Richard Sings Spirituals, 1973; Right Now, 1973; Keep A Knochin', 1973; Every Hour With Little Richard, 1973 (сборник); Rocks, 1973 (EP); King Of Gospel Singers, 1973; Clap Your Hands, 1973 (Live LP); The One And Only, 1974; Star Collection, 1975 (сборник); The Very Best Of Little Richard, 1975 (сборник); Dollars Dollars And More Dollars, 1975; 20 Original Hits, 1976 (сборник); Cast A Long Shadow, 1976; Little Richard And Sister Rosetta Tharpe, 1977; Good Golly Miss Molly, 1977; 22 Original Hits, 1977 (сборник); Now, 1977; Long Tall Sally, 1977 (EP); Greatest Hits, 1977 (сборник); Tutti Frutti, 1981 (сборник); Get Down With It, 1981; Hit Greatest Recordings, 1985 (сборник); Lifetime Friend, 1986; The Speciality Sessions, 1990 (9LP — сборник).

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ



1

В 1942 году в Варшаве, в гетто, в четырехэтажном доме на Хлодной улице, где находился Дом сирот, шестидесятитрехлетний врач, учитель и писатель Януш Корчак начал вести дневник. На попечении у него к этому времени находилось двести детей, забота о которых способна отнять у человека двадцать четыре часа в сутки и в более спокойные времена. Зимой же 1942-го в оккупированной немцами Польше к обычным заботам Корчака прибавлялась еще одна: где доставать продовольствие? Вся методика и педагогика, вся философия и любовь к детям сводились для него в этих обстоятельствах к одному вопросу: способен ты или не способен достать двести килограммов картошки на каменном огороженном пятачке, куда согнано 370 тысяч евреев? Каждую неделю, по субботам, как и положено, Корчак взвешивал детей. «Час субботнего взвешивания — час сильных ощущений»,— записал он в дневник. Дети катастрофически худели.

К лету 1942-го у Корчака уже не было никаких сомнений в том, какое будущее ждет его и его детей. Он, конечно, не знал о директиве штурмбаннфюрера СС Германа Хефле, предписывавшей начать «выселение на восток» (то есть в концлагерь Треблинку), но по происходившему вокруг понимал, что немцы начали методичную и планомерную работу уничтожения. Они использовали не один метод, а множество их, комплексно: облавы, во время которых по людям открывалась внезапная стрельба, умышленное создание скученности людей при запрете на поставки продовольствия, вывоз эшелонами в лагеря смерти. Смерть для Корчака и его детей в эти месяцы из абстрактной перспективы, ожидающей все живое, превратилась в близкую неизбежность. На одной из страниц дневника мы читаем: «У тротуара лежит подросток, не то живой, не то мертвый. И тут же рядом, у трех мальчиков, игравших в лошадку, перепутались веревочки (вожжи). Мальчуганы переговариваются, пробуют и так, и эдак, злятся, задевают ногами лежащего. Наконец один из них говорит: «Отойдем немножко, а то он мешает».

Они отошли на несколько шагов и продолжали распутывать вожжи».

2

Дни Корчака были заполнены с раннего утра до поздней ночи. Он писал письма и воззвания, с просьбой помочь детям хоть каким-нибудь продовольствием; в феврале он взвалил на себя новые заботы о Доме подкидышей, помещавшемся на Дельной улице. «В помещении, рассчитанном на несколько сот, находилось несколько тысяч детей,— описывал один из очевидцев новое поприще доктора Януша Корчака.— С порога в нос бил запах кала и мочи. Младенцы лежали в грязи, пеленок не было, зимой моча замерзала, и на этом льду лежали окоченелые трупики. Дети постарше целыми днями сидели на полу или на скамеечках, монотонно качаясь, и, как зверушки, жили от кормежки до кормежки в ожидании скудной, очень скудной пищи... Доктор Корчак решил очистить эти Авгиевы конюшни». Но, обмывая и укутывая младенцев, выдавая ребятам постарше по кусочку хлеба и кружке кипятка, который он разливал из старого побитого чайника — мог ли он не думать о том, для чего спасает их? Мог ли он, пожилой человек, не склонный к самообольщению, не размышлять о том, для какого будущего он воспитывает детей в своем Доме сирот? Прививает им хорошие манеры, учит доброте — для газовой камеры в Треблинке, для крематория в Освенциме?

Дети и смерть. Само сочетание этих слов заставляло его душу корежиться в отчаянии. Видение душегубки не раз возникает на страницах его дневника, но он не выпускает его наружу, прихлопывает между страниц, оберегает детей, которых нельзя уберечь. Перед ним, воспитателем, всю жизнь готовившим детей для жизни, в эти весенние и летние месяцы 1942 года вставал вопрос, которого нет и не может быть ни в одном учебнике педагогики: как готовить детей к смерти? Говорить им правду — или обманывать их? Любое решение мучительно, но до поры до времени им двигал инстинкт воспитателя, заставлявший его делать то, что он делал всегда. «Пасмурное утро. Половина шестого. Будто и нормально начался день. Говорю Ганне:

— Доброе утро.

Она отвечает удивленным взглядом. Прошу:

— Ну улыбнись же!

Бывают бледные, чахлые, чахоточные улыбки».

3

Под давлением кошмарной действительности, под грузом страшной ответственности он оставался все тем же Старым Доктором, в душе которого не было ненависти даже к солдатам, охранявшим гетто. Тот импульс, что лежит в основе всей его педагогики (желание понять, проникнуть в душу), не ослабевал даже тогда, когда он, поливая цветы, в окно видел часового, стоявшего с широко расставленными ногами. Он и в часовом пытался почувствовать что-то человеческое, незлое. «А может, в бытность свою штатским он был сельским учителем, может, нотариусом, подметальщиком улиц в Лейпциге, официантом в Кельне?

А что он сделал бы, кивни я ему головой? Помаши дружески рукой?

Может быть, он не знает, что все так, как есть?

Он мог приехать лишь вчера, издалека...» — записывал он в дневник в тщетной надежде

Доброта не оставляла его. Эта доброта ушла в могилу вместе с ним, и нам не восстановить ее тут во всей ее глубине и силе. (Впрочем, выражение «ушла в могилу» есть лишь дань благопристойному XIX веку, когда люди умирали в своих постелях в уверенности, что обретут саван и гроб; Корчака задушили газом и сожгли в печи, как мусор.) Мы не можем до конца ощутить эту доброту, потому что она неотрывна от человека и выражается в его улыбке и глазах, в тепле его ладони, в звуке его голоса. Мы можем только

догадываться. Усталая мудрость таится в глазах Корчака на уцелевших фотографиях, мудрость человека, который понимает, что окружающие его дети пришли в мир на испытание и страдание. Есть фотография, которая во всех трудах о нем называется «Януш Корчак играет с детьми»: пожилой лысый холостяк в мятом халате стоит, положив руку мальчишке на спину, а вокруг него толпятся другие — ухмыляющиеся рожицы, бритые головы, босые тощие ноги с закатанными штанинами. Лицо Корчака, обрамленное мягкой бородкой, сосредоточенно, в наклоне шеи и головы смирение, углы рта скорбно опущены вниз. Это снимок довоенных лет, но Корчак тут как будто предчувствует будущее. Он в очках в тонкой оправе, с овальными продолговатыми стеклами; в них же мы видим его на последней фотографии 1941 года, и в них же он пошел в газовую камеру, ведя за собой двести детей. Или на пороге камеры он снял их тем усталым спокойным жестом, каким снимают очки перед сном?

4

Днем Корчак вел ту обычную жизнь воспитателя и учителя, которую трудно описать, потому что она состоит из десятков незначащих на первый взгляд событий и случаев, которые приобретают смысл только тогда, когда складываются в одну общую большую картину. Он, как всегда, рассказывал своим детям истории и сказки, читал с ними книги, наполнял их время учебой и трудом. Старшие должны были заботиться о младших. Все вместе — о порядке в Доме сирот. Сам он был одновременно повсюду — в столовой и в спальне, где присаживался на край кровати и что-то тихо говорил плачущему в подушку мальчику, в туалетной комнате, где проверял чистоту полотенец, и в классе, где проверял диктанты, исправлял ошибки и объяснял, почему слово «огород» пишется с «д» на конце. В такой работе не меньше слов значит взгляд, не меньше взгляда — касание руки и улыбка, показывающая, что в ошибке или неудачном поступке нет ничего страшного. Корчак был, как всегда, ровен и спокоен — он действовал так, как будто и его, и детей ждет большое будущее. Много-много лет жизни.

Но под крепостью, которую выстроил Старый Доктор, разверзался ад, который он скрывал от детей. Об этом он писал в дневнике, поверяя ему всю свою тоску и отчаяние. Кошмары вырывались из-под контроля в снах. «Какие невыносимые сны! — записывал Корчак.— Вчера ночью: немцы, а я без повязки в недозволенный час в Праге. Просыпаюсь. И опять сон. В поезде меня переводят в купе, метр на метр, где уже есть несколько человек. Этой ночью опять мертвецы. Мертвые тела маленьких детей. Один ребенок в лохани. Другой, с содранной кожей, на нарах в мертвецкой, явно дышит. Новый сон: я на неустойчивой лестнице, высоко, а отец опять и опять сует в рот кусок торта, большой, этакий с глазурью и с изюмом, а то, что во рту не помещается, раскрошенное, кладет в карман.

В самом страшном месте просыпаюсь. Не является ли смерть таким пробуждением в момент, когда, казалось бы, уже нет выхода?»

5

Дневник Януша Корчака — книга, написанная человеком, знающим, что ему предстоит, и принявшим решение, изменить которое неспособна никакая сила в мире. Решение это очень просто: быть с детьми. Он принял его очень давно, в далеком прошлом, и оно теперь неподвластно ни штурмбанфюреру СС Герману Хефле, распоряжающемуся жизнями людей в гетто, ни часовому, стоящему напротив Дома сирот («Я поливаю цветы. Моя лысина в окне такая хорошая цель. У него винтовка. Почему он стоит и смотрит?»), ни даже самому сегодняшнему Янушу Корчаку. Когда он понял, что жизнь выбрана, что судьба уже сложилась? Когда молодым врачом пришел в лазарет для детей из бедных семей? Когда сорок лет назад пожалел маленького недотепушку, игравшего на полу в кожницы? Когда основал Дом сирот? Не найти в его жизни этого мгновения; самые главные решения накапливаются в душе, незаметно и упорно, день за днем и год за годом, и потом вдруг приходит день, когда делается ясно: все уже решено и поздно что-нибудь менять. Жизнь есть жизнь.

Януш Корчак, автор веселых и мудрых книг, в которых он рассказывал миру о детях, книг, многократно издававшихся в Польше и стоявших на полках у сотен учителей, пишет свою последнюю книгу в гетто, где нет издательств. Он не надеется, что эти тетрадки в голубых обложках избежат той судьбы, что уготована ему и его детям. Он пишет не в назидание человечеству, а в желании в последние оставшиеся ему недели еще раз утвердиться в своем решении и в своей вере.

Все, что он писал до этого (а это тысячи страниц, несколько томов), было пронизано верой в то, что человек имеет право быть самим собой — имеет право быть свободным. Возраст тут ни при чем. В ребенке он всегда видел человека, а не полуфабрикат человека. Он умел почувствовать и признать волю и разум в малыше, отказывающемся пить молоко с пенками, в грубоватом подростке, щеголяющем грубыми словами. «Сто детей... сто людей, которые не когда-то там, не еще... не завтра, а уже... сейчас... люди». В довоенные времена, ежедневно заходя на цыпочках в спальню Дома сирот, он всегда чувствовал прерыв дыхания, горло пережимала робость и нежность — столько беззащитности было в лицах спящих детей, такое будущее дышало в такт их размеренному дыханию! Он видел свое предназначение, предназначение воспитателя, в том, чтобы помочь им сбыться.

Он никогда не обманывался: жизнь — жестокая штука. Часто она насмехается над человеком, но даже и эта жестокость и насмешка не способны изменить то, что составляет ядро человеческого «я». Свобода невидимыми нитями связана с рабством и тайно перетекает в него: никто из нас не способен уйти от своей судьбы. «Она мечтала о монастыре, а очутилась в доме терпимости; но и там оставалась сестрой милосердия, которая в неприемные часы ухаживает за больными товарками, утоляя их печали и страдания. Другую влекло к веселью, и она полна им в приюте для больных раком — даже умирающий улыбается, слушая ее болтовню и следя угасающим взглядом за светлым личиком...» Он знал это не понаслышке, не из романов и повестей. В его памяти жили судьбы его детей — сотен детей, прошедших через Дом сирот.

Его свободу жизнь тоже вывернула наизнанку. Он учил детей жить — а теперь должен был научить их умирать.

6

В июле Корчак и его дети занялись театром — он решил ставить пьесу. Эта затея обеспечила им множество хлопот, которые отвлекли их от происходящего за стенами Дома сирот. Дети учили роли, придумывали костюмы, репетировали в большом зале, найденном Корчаком в пустеющем гетто. Кто еще был жив и способен передвигаться, превозмогая голод, получили приглашение, в котором было сказано, что их ждет «нечто большее, чем актеры-дети».

Пьеса, которую выбрал Корчак для своих детей, была написана за тысячи километров от Варшавы, в Индии. В этой странной пьесе Тагора все было двусмысленно, каждое слово значило больше, чем казалось на первый взгляд, каждый предмет, помимо своего простого, понятного всем, житейского предназначения, имел и предназначение тайное и глубокое, уводившее в мир буддистских представлений о непрерывности жизни, о сансаре — колесе превращений. Окно, в которое на протяжении всей пьесы глядел больной мальчик Амаль, было окном на улицу — и в другую жизнь, текущую где-то поблизости от этой. Сам Корчак смотрел на игру своих актеров из дальнего угла длинного, плохо освещенного зала. Что он думал, что чувствовал, видя бледные лица своих актеров, слыша их слабые голоса, ощущая исходившее от них возбуждение и подъем! Какая жалость и боль разрывали ему сердце? Смог ли он, репетируя, объяснить им то главное, во имя чего он выбрал пьесу Тагора — смерти нет, а есть только переход в другую жизнь? Мы не знаем.

Здесь, рассказывая о последних неделях и днях Корчака и его детей, мы вступаем в область полузнаний, догадок, легенд, слухов. Живых свидетелей

почти не осталось (их тем меньше, чем ближе к газовой камере). Одно из последних безусловных свидетельств оставил Игорь Неверли, бывший когда-то секретарем и сотрудником Корчака: «На Белянах сняли для него комнату, приготовили документы. Корчак мог выйти из гетто в любую минуту, хотя бы со мной, когда я пришел к нему, имея пропуск на два лица — техника и слесаря водопроводно-канализационной сети. Корчак взглянул на меня так, что я съежился. Видно было, что он не ждал от меня такого предложения... Смысл ответа доктора был такой... не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних в запломбированном вагоне и в газовой камере?»

7

Тетрадки с дневником Януша Корчака были найдены после войны; они были замурованы в стену на чердаке Дома сирот. Последнюю запись Корчак сделал за два дня до того, как повел своих детей к поезду, идущему в Треблинку. Эта запись разбита на десять пронумерованных главок. Значит ли это, что Старый Доктор десять раз открывал тетрадь и записывал нахлынувшие мысли? Или это значит, что вечером, сев писать, он не смог собрать мысли воедино и записал их, разбив на отрывки?

Мы не знаем этого.

Дневник Корчака кончается на ноте горечи и надежды. Надежды на то, что чудо спасет детей. Чуда не случилось. Планомерная и методичная работа немцев шла своим чередом. Они очищали гетто район за районом. Они документировали свою деятельность в десятках приказов, распоряжений, телефонограмм, отчетов, и потому историку не составляет труда воссоздать картину уничтожения. Но в этой картине все-таки остаются пустые места, провалы — тут тоже есть кое-что, что нам не дано узнать. Это тайна последних часов, проведенных Корчаком и детьми в Доме сирот. Что он сказал им? Когда он, одного ребенка держа на руках, другого держа за руку, повел колонну к вагонам, его воспитанники не плакали. Очевидцам они не казались даже особенно удрученными. Колонна шла в образцовом порядке (по некоторым свидетельствам, даже с зеленым знаменем впереди). Обманул ли Корчак детей, сказав, что их просто вывозят в другое место? Вряд ли. Корчак никогда не врал детям, да дети гетто и не попались бы на такой неловкий обман. Сумел ли он в последние часы дать им свой последний урок на немыслимую для учителя тему: что такое смерть, и как умирать достойно? Как бы там ни было, Старый Доктор был и оставался для них великим авторитетом; и они пошли за ним без слез, так, как он велел.

КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ

(О ПРИСУЖДЕНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ)

Пьер АССУЛИН,
французский писатель

В средневековом здании дворца Биржи, штаб-квартире Шведской академии наук, царит тайна. Абсолютная. Стоит только попытаться ее нарушить, попробовать что-нибудь выведать о ходе обсуждения кандидатур претендентов, и вы будете расстреляны на месте убийственным «Нет!», казнены фразой, острой, как нож гильотины, а то вас и просто пригвоздят к спинке кресла ледяным взглядом. Мой первый разговор в этих стенах закончился, не начавшись, едва только я заикнулся о Нобелевской академии:

— Никогда не говорите — Нобелевская академия. Только Шведская академия. Нобелевская — одна из многих премий, которые мы присуждаем.

Этот урок я усвоил. Впредь всем академикам, писателям, университетским профессорам, литературным критикам, переводчикам, дипломатам я задавал один и тот же вопрос:

— Скажите мне только, как это происходит — Нобелевская премия.

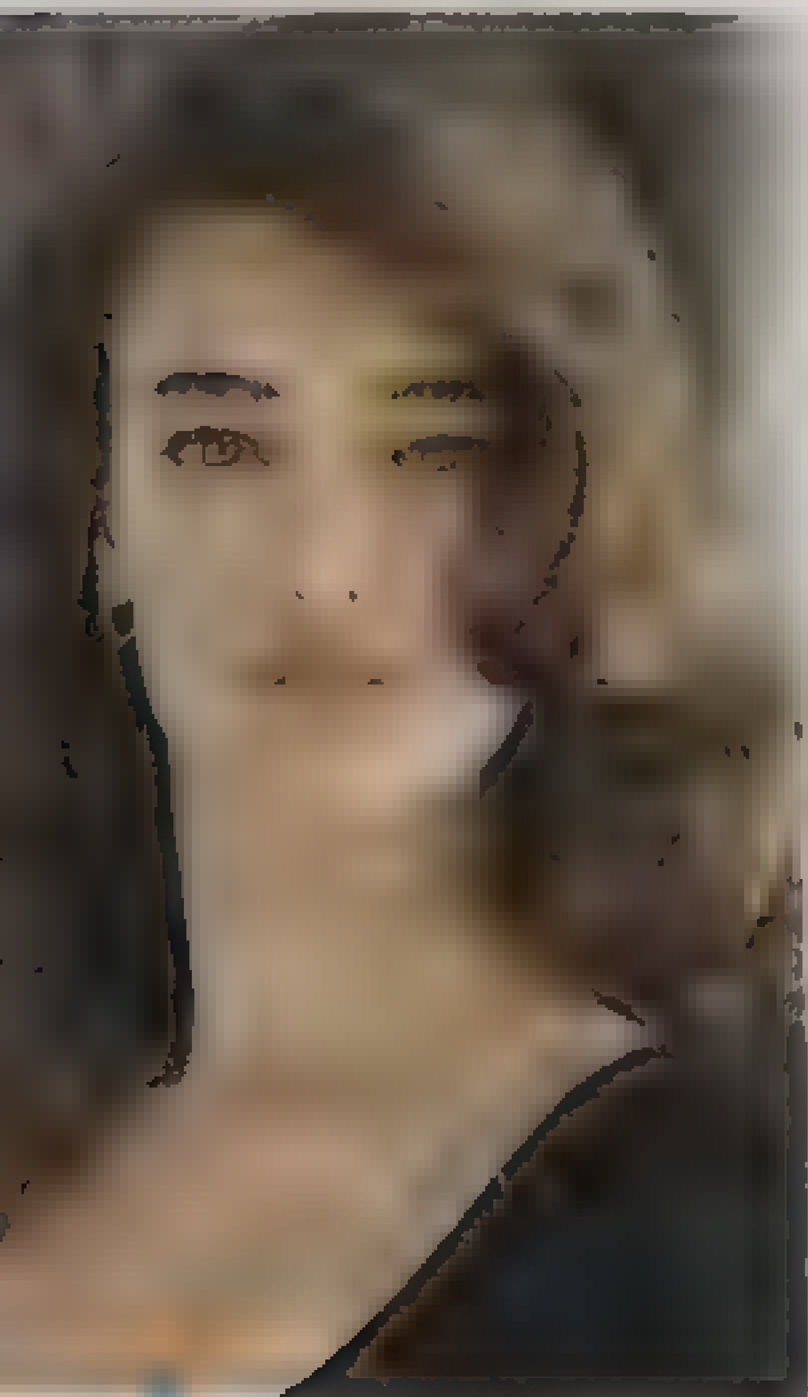
Не могу сказать, что в результате тайн стало меньше. Пожалуй, даже больше. Но... По порядку

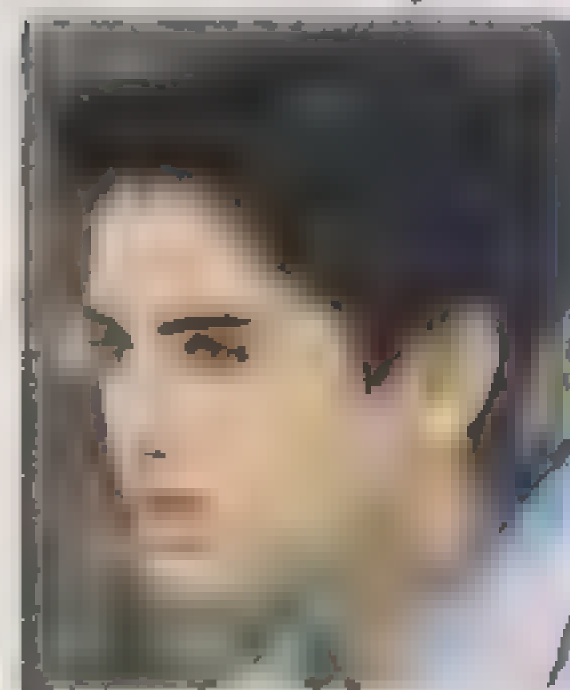
Итак, Шведская академия наук была создана около двухсот лет назад по образцу Французской академии. В ее состав входят 18 членов, избираемых пожизненно. Пять из них назначаются в Нобелевский комитет, который обновляется каждые три года. К ним добавляется шестой человек — секретарь комитета. Один раз в месяц все шестеро собираются в ресторане «Золотой мир», являющемся собственностью Нобелевского фонда. Начиная с осени члены комитета рассылают по всему свету около 600 однотипных писем. Эти письма адресованы как частным лицам, так и организациям. Их просят представить кандидатуру и кратко мотивировать свой выбор. Кому выпадает эта честь? Членам Академии наук Швеции и других стран, президентам представительных писательских союзов, профессорам по истории литературы университетов и высших школ и, наконец, лауреатам Нобелевской премии прошлых лет

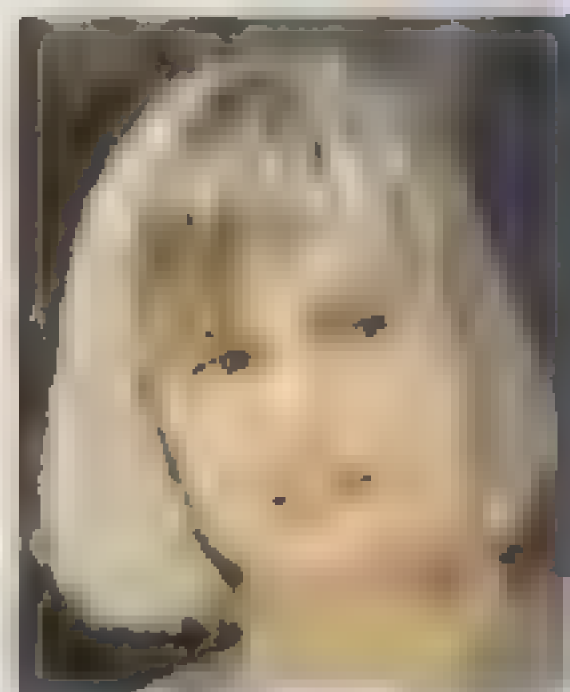
Предложения должны быть отосланы в Нобелевский комитет до конца января. А с 1 февраля вместе с сортировкой почты начинается первый отсев Комитет получает в среднем 300—400 предложений. Так как имена повторяются, у секретаря довольно быстро остается список, где фигурируют 100—150 имен. С этого момента начинается настоящая серьезная работа

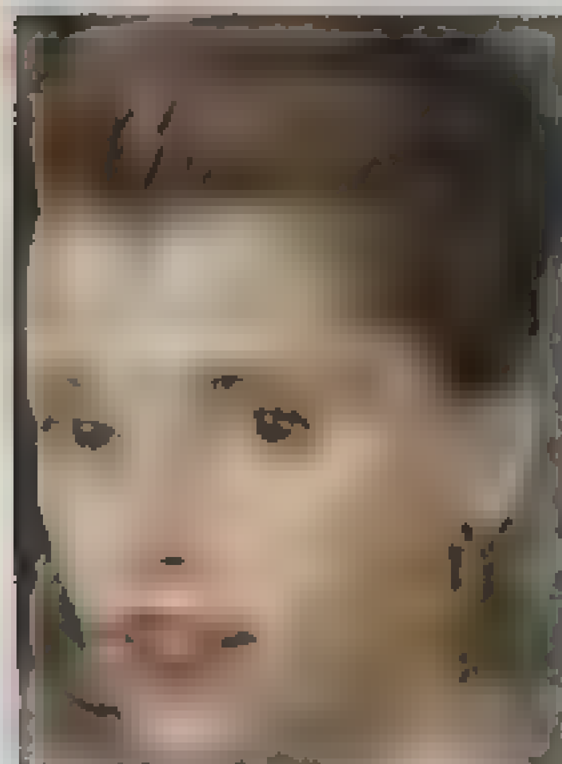
В течение всего года (кроме летних каникул) академия специально собирается каждый четверг в 17 часов, чтобы заслушать предложения Нобелевского комитета. Так происходит с февраля до конца лета. Академики производят беспощадный отбор. Падают первые головы: тех писателей, кто еще недостаточно много сотворил, тех, чьи имена предлагаются из очевидно политических соображений. Остается приблизительно 50 имен. Чтобы в окончательном списке их было пять или шесть, комитет обращается к экспертам во

на стр. 28



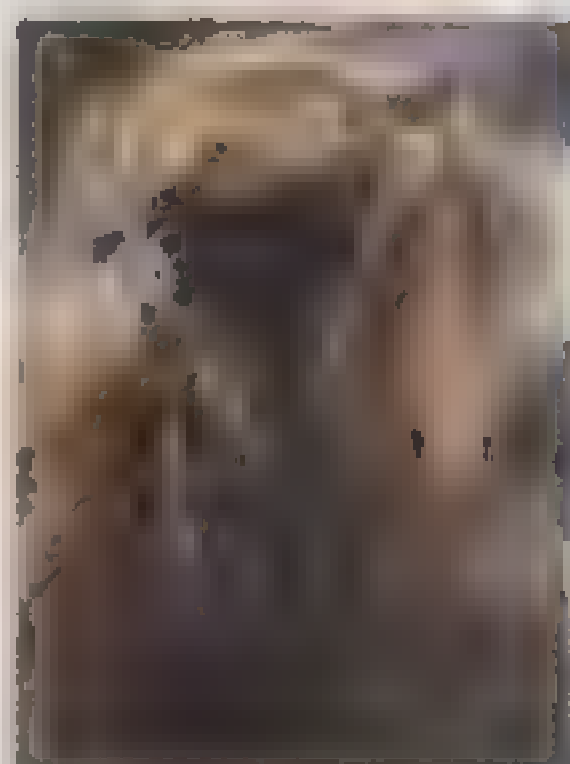


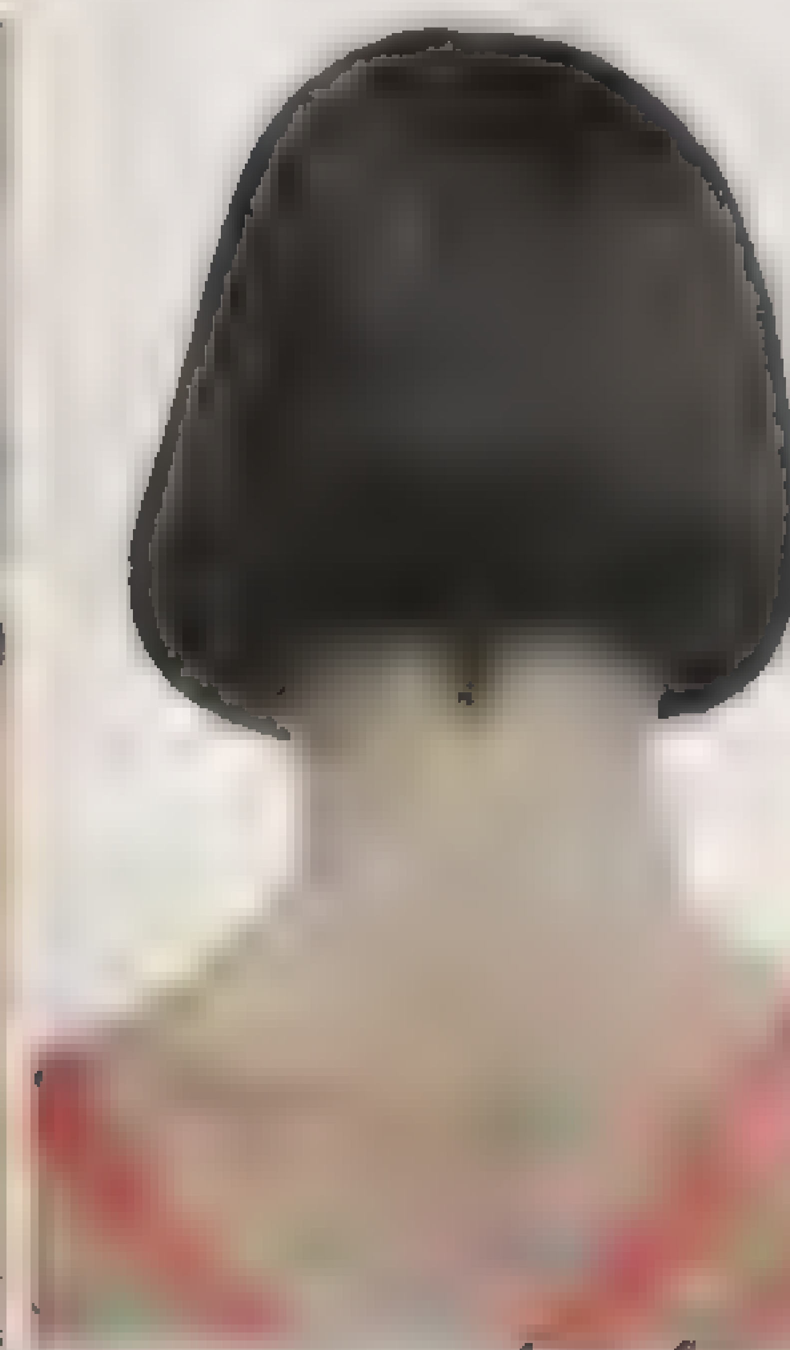




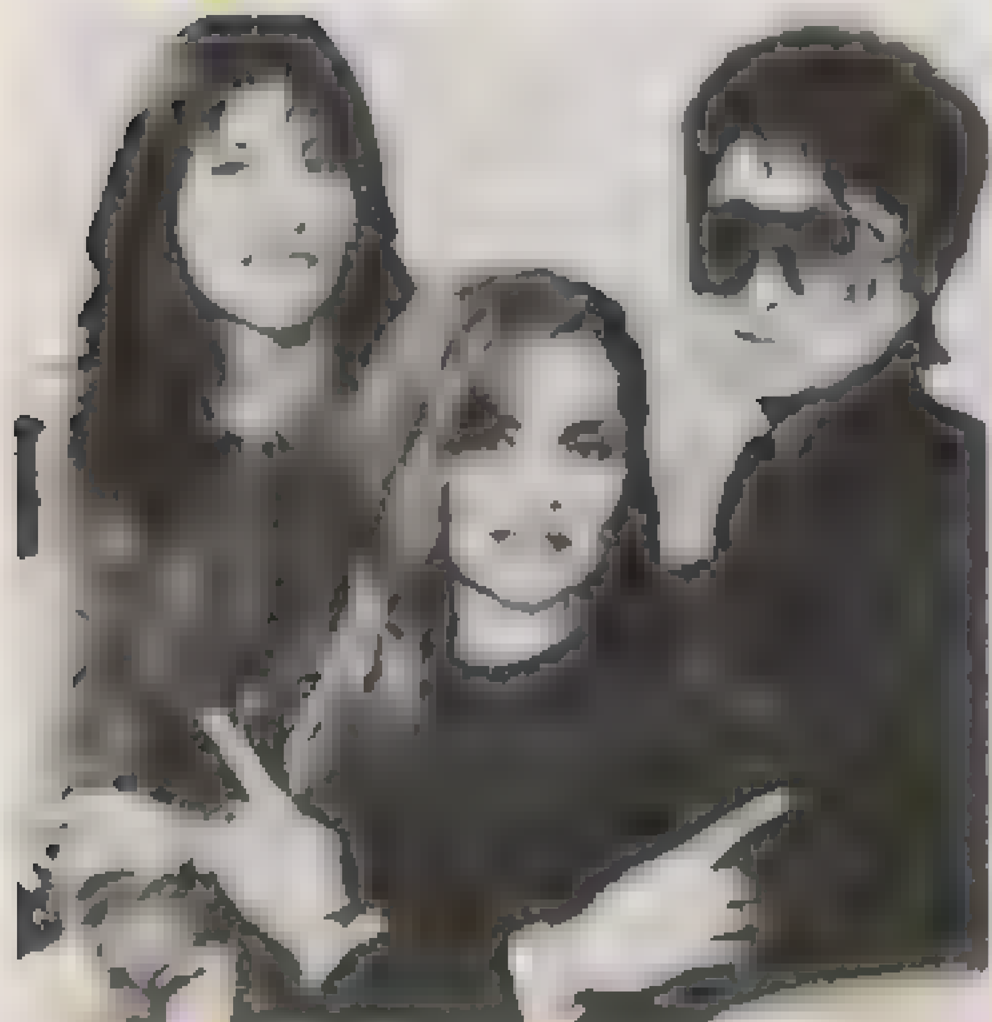
ЧТО БЫ ТАМ НИ ГОВОРИЛИ, ЧТО НИ ПИСАЛИ О ЖЕНСКОЙ КРАСОТЕ, А ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ГОЛОВЫ, ВЕРНЕЕ С ПРИЧЕСКИ. (Заметим, что сочетание умной головки с хорошей прической было в моде во все времена.)

Итак, хорошенько посмотрите на себя в зеркало, и вы убедитесь, что вы — шатенка, брюнетка или даже блондинка, что само по себе уже замечательно. Далее вы непременно подметите, что вы молоды и, как минимум, миловидны. Остается совсем немного: сделать идущую вам стрижку, постоянно держать волосы в чистоте и укладывать их так, как это делают, к примеру, ваши ровесницы из Швейцарии.



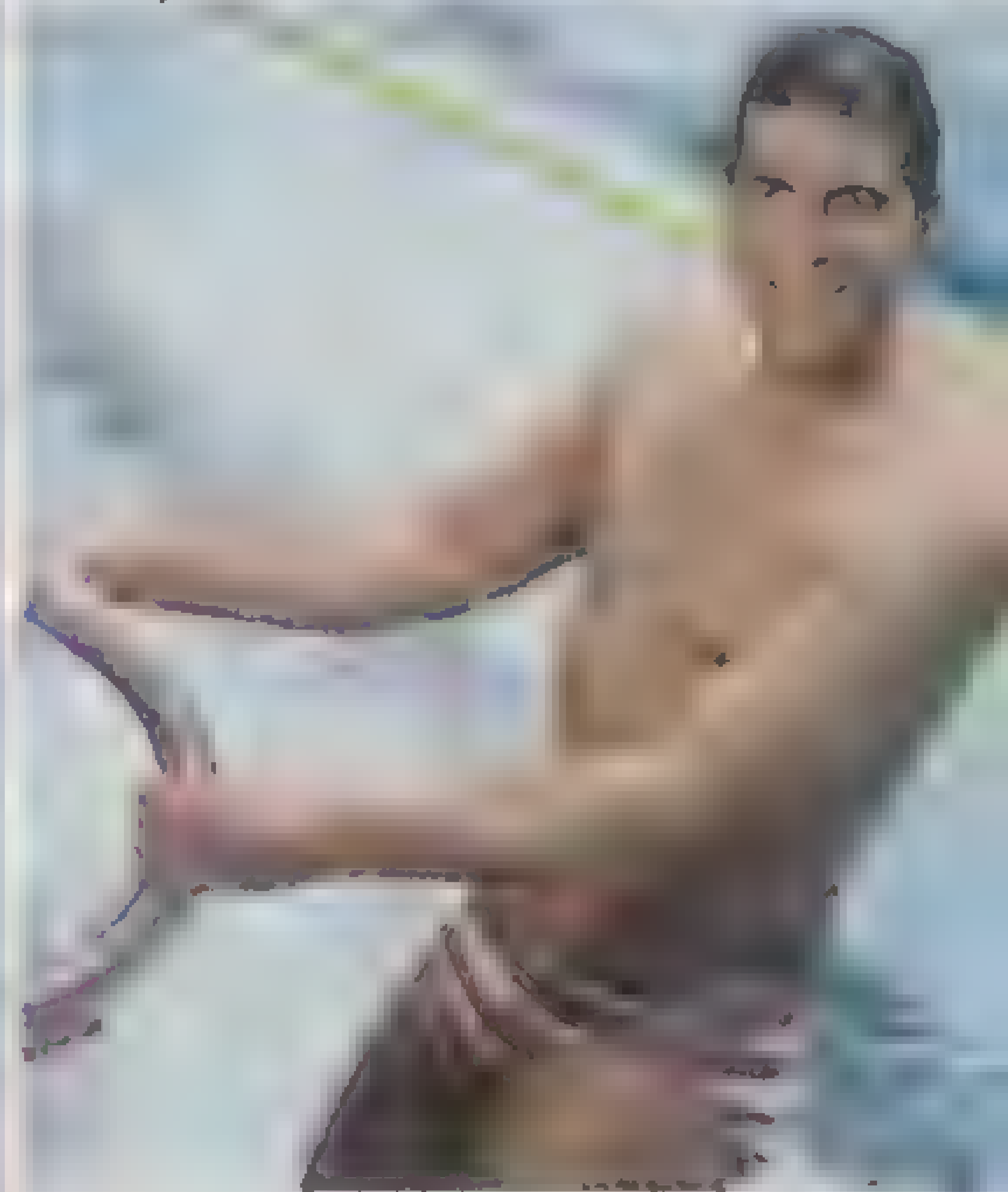


НА ФОТО СЛЕВА НАПРАВО: ОЛИВИЯ ХАРРИСОН, БАРБАРА БАХ-СТАРКИ, ЙОКО ОНО... На снимке нет Линды Маккартни, однако она тоже участвует в благотворительной кампании, организованной женами «Битлз» в помощь страдающим от СПИДа детям Румынии. Появившиеся в прессе весной этого года сообщения о массовом заражении румынских детей страшным вирусом заставили Оливию Харрисон отправиться в Румынию. Она лично ознакомилась с положением детей в детских домах и пришла в такой ужас, что срочно обратилась ко всем друзьям и знакомым с просьбами о пожертвованиях. А Ринго Стар, Джордж Харрисон и их коллеги — Элтон Джон, Эрик Клэптон, Ван Моррисон, группы «Юритмикс», «Ганз энд Роузиз» и многие другие готовят материал для специального альбома, весь сбор от которого пойдет в тот же фонд



«РОК В ПОМОЩЬ АРМЕНИИ» — грандиозная акция, предпринятая рок-музыкантами всего мира и увенчавшаяся созданием альбома «Землетрясение» — «самого лучшего сборника всех времен и народов», по мнению журнала «Керранг!»

Достаточно взглянуть на список тех, кто принял участие в этом проекте: «Эмерсон, Лейк и Палмер», «Дип перпл», «Раш», «Рэйнбоу», «Азия», «Генезис», «Йес», «Уайтснейк», «Форинер», «Старшип», «Айрон мэйден», «Блэк сэббет», «Майк эн зе меканикс». Кроме того, все участники исполняют знаменитую вещь «Дип перпл» «Дым над водой» и классический хит группы «Фри» «Теперь все в порядке». Все средства от реализации альбома поступают в фонд помощи Армении, если, конечно, на территории «одной шестой части суши» они не уйдут, по примеру Арала, в песок



«НО Я ВСЕ РАВНО ПОБОЯЛСЯ БЫ СОРЕВНОВАТЬСЯ С МАРКОМ СПИТЦЕМ», — сказал Марк Спитц. И это отнюдь не шутка — это трезвая оценка своих способностей. Дело в том, что американский пловец Марк Спитц, человек-легенда, получивший на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году семь золотых медалей — таких результатов еще никто в мире не добивался,— возвращается на водную дорожку.

40-летний спортсмен решил пробиться в Олимпийскую сборную США и выступать в 1992 году в Барселоне. «Если мне это удастся, я докажу всем, что возраст для настоящего спортсмена никакого значения не имеет».

ПИНОККИО 100 ЛЕТ. Нам, выросшим в буквальном смысле слова с книжкой о Буратино в руках, наверное, трудно представить себе, какой необыкновенно новой была книга Коллоди «Приключения Пинокко», вышедшая в Италии сто лет тому назад. До появления деревянного озорника дети не жили, конечно же, без литературы, но в ней не было никого, сопоставимого с нашим героем. Рядом с детьми-ангелами, примером для подражания, сосуществовали маленькие дьяволята, которые если и становились в итоге «хорошими», то только через суровое наказание и унижение. И вот появляется совсем иной персонаж — озорник с добрым сердцем, совершающий глупости вопреки прекрасным намерениям. Надо ли говорить, что Пиноккио оказался близок по натуре своим маленьким читателям, и они не расстаются с ним вот уже целый век.

В углу круга

Хорди СЬЕРРА-И-ФАБРА,
испанский писатель

XIX

Я пролежал без сознания с четверть часа, не более. Попытка встать обошлась мне дорого — пришлось обретать ощущение твердой почвы. Зато таким образом я обнаружил, что руки вроде в порядке, переломов нет; правда, правая кровоточила

И тут я понял, отчего смог увидеть кровь: свет!

Тот, кто напал на меня, видно, тоже не слишком разбирался в особенностях местной топографии. Услышав мои шаги, свет он погасил, но вынужден был снова зажечь, чтобы быстрей выбраться отсюда.

Господи, но ведь перед ударом я успел что-то заметить. Что? Я обернулся — и тотчас увидел ее. Патри! Боже мой, ее задушили: об этом говорили и фиолетовый цвет лица, и вывалившийся закушенный язык...

И тут откуда-то неподалеку раздался шорох и легкий, приглушенный стон. Стон шел со стороны сцены.

...Форту лежала за грудой разбитой аппаратуры. На затылке ее зияла здоровая ссадина, но кость, судя по всему, не была задета. С трудом, но удалось все-таки уложить ее на спину. Кажется, где-то здесь был туалет?

Прикосновение мокрого полотенца быстро привело ее в чувство. Форту смотрела на меня вполне осмысленно.

— А, журналист...

— Привет,— бодрецки ответствовал я.— Знаешь, тебе прилично досталось...

— А что, шрам останется?

Я ожидал любого вопроса, только не этого.

— Ну, об этом волноваться нечего. Удар пришелся по затылку, волосы все прикроют.

Как мог, я промыл ее ссадину.

— Можешь опереться о меня?

— Попробую... Голова очень кружится.

Мы уселись, упираясь спинами друг в друга, и так, через плечо, повели разговор.

— Как ты очутился здесь?

— Вернулся, чтобы поговорить с тобой. А почему ты осталась одна? Где остальные?

— Понимаешь, Смэша после твоего ухода словно прорвало. Он высказал все, что думает о Хавьере Мора... Его прямо трясло. Ребята посоветовали ему заняться делом — мы ведь собрались на репетицию, а это для каждого — работа, и еще какая. Ну, Смэш совсем распсиховался, швырнул гитару и рванул на выход. Наверняка думал, что кто-нибудь за ним увяжется, но никто не пошел. Остались, попробовали сыграть пару вещей, да дело не клеилось. Не потому, что без Смэша, а просто настроение уже было поганым. Вот и стали разбредаться потихоньку. А я осталась. Я всегда ухожу последней, люблю, когда в следующий раз придешь — а на сцене порядок, все прибрано, чисто... Боже, что же здесь наделали!

— Форту, кто тебя ударил?

— М-м-м... Ты знаешь, сначала раздался какой-то шум. Я еще подумала, что кто-то из группы возвращается... А потом... Нет, не помню.

Конечно, я верил ей, но стоило бы показать Форту кусочек реальности, о которой она не имеет ни малейшего представления. Как тогда она поведет себя? Взявшись за руки, мы побрели по ящичному лабиринту.

— Боже мой! Она мертва?

— Да, Форту. Ее убили.

— Дева Мария! — Ее глазищи вперились в меня.— За что?

— Я думал, ты сможешь рассказать мне об этом.

— Я? Да я ничего не знаю!

— Ладно. Идем отсюда.

— Куда?

— Подальше.

Форту шла плечом к плечу со мной, и, когда я ненароком споткнулся, она помогла мне устоять на ногах. Оказавшись у самой двери — она так и осталась чуть приоткрытой,— я вдруг остановился как вкопанный.

Продолжение. Начало см. в № 8—10 за 1990 г.

— Сволочи! — невольно вырвалось у меня.

Форту следом за мной заглянула в щель.

— Кто это?

Альфонсо Менендес и Эутикио Сола неторопливо шли от припарковавшегося неподалеку фургона.

Раздался голос Сола:

— Здесь, что ли? Небось накачались наркотиков, что с них взять, с музыкантов, все они одним миром мазаны. И теперь еще возись с ними — себя-то наверняка не помнят, где уж им знать, кто там Патри, кто — Тина...

Ох, будь моя воля, врезал бы я сейчас этому подонку. Что за проклятье висит над музыкантами со времен рождения рока? У меня куча друзей и приятелей — талантливые ребята, пишут музыку, пашут, как черти, и среди них наперечет тех, кто балуется травкой. Если живешь музыкой, какие там еще наркотики? Вся беда в том, что пока у власти такие, как Сола и Менендес, порядок вещей сохранится прежним: наркоманы — и все тут...

— Здесь есть еще какой-нибудь выход? — шепнул я Форту.

— На улицу — нет.

— Да черт с ним, куда угодно.

Форту оказалась прекрасным проводником, и мы вышли в довольно узкий, вытянувшийся пеналом двор. В жизни я еще не встречал такого меблированного двора. Вдоль стен по всему периметру расставлены шкафы, шкафчики, пуфы, тумбочки, разобранные кровати, диваны, кресла — и все это высилось вровень с гребнем стены. И куда ни сунься — стена, стена, стена. Мебель, мебель... Карабкаясь и цепляясь за какие-то выступы, ручки и дверцы, подвывая от обжигающей боли, я тянулся, тянулся за зовом спасительных маленьких рук: Форту взобралась на стену куда быстрее меня.

Не помню, как мы оказались рядом. Главное — оказались, и то на мгновенье. Спустя секунду Форту была уже по другую сторону стены. Я выпрямился, чтобы последовать за ней...

— Стой!

Я машинально обернулся. У входа во двор стоял Сола — луна хорошо освещала его лицо. Как, впрочем, и мое...

— Рос!

Мимо Сола тенью ринулся Менендес, на ходу расстегивая кобуру. И я, развернувшись, шагнул в пустоту.

Форту ждала меня, как товарищ по эстафете, и едва я, кряхтя и чертыхаясь, выпрямился, пустилась во все лопатки. Мы мчались каким-то извилистым проулком, потом выскочили на пустырь, понеслись улочкой пошире. Не знаю, сколько еще продолжался бы этот кросс, если бы метрах в двадцати не замаячил кузовок моей малолитражки. Вот уж повезло, так повезло! Мы рухнули на сиденья. Мотор завелся, будто только и ждал приказа.

XX

— Ну, и куда мы теперь? — поинтересовалась Форту.

Что и говорить, вопрос по существу. Только сейчас я понял, что еду, в сущности, сам не знаю куда, лишь бы подальше от этих проклятых складов.

— Да вот прикидываю, куда бы получше,— соврал я.

Тут и прикидывать нечего: не было у меня сейчас где приткнуться. Дом мой сейчас — мышеловка. К Пако — и думать нечего: лучшего способа скомпрометировать товарища просто не найти. Да, кажется, я дал маху — пожалуй, стоило остаться там и все спокойно объяснить Менендесу и Сола. Хотя в наручниках это трудно, наверное, сделать.

Искоса, мельком я глянул на Форту. Она, кажется, полностью обрела форму. Ну, было что-то такое, ну, гнались фараоны... А, жизнь продолжается!

— Как ты там? — Голос мой был словно мед.— Слушай, что там произошло в вашей репетиторской с тех пор, как туда пришла Тина?

— Ей-богу, не знаю. Мы начали репетицию. С Тиной творилось бог знает что, ни с кем и словом переброситься не захотела, ну мы и решили, что, значит, не до нас ей, и оставили Тину в покое. Тут пришла Патри, они пару минут переговорили и... Как пришла, так и ушла.

— А что Патри при этом делала?

— Да ничего такого. Ходила из стороны в сторону и трепалась о чем-то.

— В руках у нее что-нибудь было?

Лицо ее будто осветилось — такого накала достигло усилие припомнить хоть что-то.

— Ну да, точно! — тряхнула она головой.— Целая пачка каких-то бумаг. А что?

— Припомни теперь, как Патри уходила — с бумагами или без?

— Ну знаешь... Я удивляюсь еще, что хоть это запомнила! Рок, когда его исполняешь,— из тех стихий, от которых прежде всего слепнешь... Может, ты все-таки скажешь, что происходит? — закапризничала Форту. Ни дать ни взять — девочка попросила мороженого.

Темнить больше не имело смысла, и я рассказал о Хави

— А, понимаю: полиция, значит, не хочет, чтоб ты совался в это дело! — хлопнула она ресницами.— А то еще понапишешь бог знает что, а преступник тем временем смоется: он ведь тоже газетки почитывает, верно?

Я не стал ее разубеждать.

— А Патри тут с какого боку? — напирала Форту.

— Ты лучше скажи, у тебя есть на примете место, куда можно было бы съездить? Голову даю на отсечение, что полиция наблюдает за моим домом. А я, кажется, уже догадываюсь, куда ведет ниточка, надо только подумать как следует, но чтоб никто при этом не мешал.

— Слушай, у Патри есть брат, а у меня есть ключ от его берлоги.

— Если не ошибаюсь, это Ману? Твой жених?

— Эй! — игриво подтолкнула она меня локтем,— скажем так: мой мальчик. Все эти «женихи» — дело хлопотное. А так мы вроде бы вместе, и в то же время каждый — сам по себе, понял?

Кивком головы я уважил современную трактовку внебрачных отношений.

— Слушай, а что ты знаешь о Патри?

— Так, пустяки. .— с явной неохотой процедила она. Патри редко с нами общалась, и единственное, за что мы ей благодарны, так это за Тину — она привела ее к нам, а через Тину мы вышли на Мора. А вообще неприятная баба, даже Ману — а он сущий телок — заводился с ней с полоборота.

— Скажи, а Патри была наркоманкой?

Тут Форту враз поскучнела и, не скрывая досады, язвительно поинтересовалась:

— А какое это имеет отношение к сеньору Мора? Или я имею дело с полицией нравов?

— Ты скажи мне только, да или нет?

— Ну да...— выдавила она с неохотой.

— Выходит, Патри могла пойти на все, лишь бы быть при деньгах?

— Выходит... Кстати, тормозни вон у того дома.

XXI

И вновь пришлось подниматься темными пролетами лестниц, где на каждом шагу подошва выжимает запахи сырости и одиночества. Перед последней дверью на последнем, кажется, пятом этаже Форту остановилась и, чуть поколдовав над дверью, гостеприимно распахнула ее.

— Ты у себя дома, ладно?

Свет зажегся сразу во всей квартире, и из кухни уже доносился веселый говорок Форту:

— Ф-ф-у, ну и денек выдался, а? Пожалуй, стоит подкрепиться... Вдруг завтра будет еще покруче!

Телефон оказался в самом углу комнаты, подпертый сваленными в кучу диванными подушками. Господи, когда в последний раз я звонил не из автомата...

— Мне очень нужно позвонить, Форту.

— О, ну конечно, какие проблемы! Ты же у себя дома

Форту тем временем спокойно устроилась в кресле неподалеку. Не понравился мне ее взгляд — выжидающий, засадный.

— ...Здравствуйте, я — Анхелес. Сейчас меня нет дома, но если вы хотите оставить свой номер телефона или

просто назваться, я отзовусь, как только это представится возможным. Спасибо.

Черт, а я и не знал, что она обзавелась автоответчиком! Я тут же набрал номер Пако.

— Дан, Пако унесся по делам,— поприветствовала меня Пепа,— но с час назад он звонил с дороги, просил, если ты позвонишь, оставить координаты, чтоб он мог связаться .

Я сделал знак Форту, и она мгновенно продиктовала номер.

Мы с Форту ужинали. В разгар нашей трапезы зазвонил телефон.

— Дан?

— Пако! Наконец-то!

Форту молча ретировалась на кухню.

— Ты где сейчас?

— В одном укромном месте.

— Как полицейский, прошу тебя: немедленно сам иди в Управление, пока за тобой не явились с наручниками.

— Если я сейчас сдамся, так никто и не узнает, что там на самом деле случилось: Менендес наверняка закроет дело.

— Я с ним разговаривал. В общем, он сказал, что если я увижу тебя или ты позвонишь... Я думаю, сейчас это единственный выход... Послушай, где это ты ухитрился откопать катакомбы, из которых, как поговаривают, бежал, оставив там всего-навсего труп девицы?

— Это долгая история, Пако.

— Черт, значит, правда .

В голосе его зазвучала уже неподдельная тревога. А рядом с Пако сейчас — это я знал наверняка — Пепа. Тоже переживает.

— Что это хоть за девица? — не унимался Пако.

— Зовут ее Патри. Подружка Тины, дочери Хавьера.

— Ну и кто же ее убил?

— Эх, кабы знать... Хави собрал какой-то компрометирующий материал. Не знаю, на кого и какого свойства, но что собрал — это точно. Патри случаем заполучила его, попыталась шантажировать убийцу и... видишь, как все банально.

— Ох, не нравится мне это, Дан,— продолжал развивать свою тему Пако.— Таким все узлом завязалось, что самое время тебе выйти из игры. Дело действительно дрянь, только уши твои и торчат из этой кучи дерьма. Детективы, брат, писать куда проще — там каждая строчка под твою дуду пляшет... Да на тебя охота пошла, ты понимаешь? Охота!

— А ведь этим вечером я был близок к удаче, Пако. И решение по-прежнему где-то рядом, вот в чем весь фокус! Тот, кто убил Патри, напал и на меня — я напоролся на него прямо там, над ее трупом.

— Так-так... Это был мужчина?

— Я бы сказал, человек-гора... Лица, правда, его не разглядел — не смог дотянуться. Да и темно было.

— Ты как там сейчас... нормально? — опять забеспокоился Пако.

— Ничего, главное — кости целы. Послушай, ты расскажешь мне, наконец, что тебе удалось сделать?

— Хави умер вчера между шестью и восемью вечера.

— Вот оно, мое алиби... Как раз в это время я держал курс из Сарагосы на Лериду.

— А свидетели есть?

— Я же сказал Менендесу, что где-то там пришлось зарулить к бензоколонке. А вот вспомнят ли меня заправщики?..

— То-то и оно. Такое алиби немногого стоит, а у Менендеса, судя по всему, козыри покрупнее.

— Что еще показало вскрытие?

— Стреляли из револьвера 38-го калибра, это точно. И судя по всему, в упор. Пуля задела правое предсердие.

— Но ведь этого достаточно, чтобы уложить наповал!..

— Если ты о той надписи на полу... Я тоже так подумал, а врач сказал, что полная остановка сердца могла случиться и спустя несколько секунд.

— Но опрокинутый выстрелом навзничь, недвижимый, истекающий кровью, разве мог Хави написать хоть что-нибудь?

— Конечно, куда логичнее предположить, что писал тот, кто и стрелял. Но без убедительных доказательств это всего лишь версия, не больше.

— Пако, этим вечером я был на квартире у Хави. И буквы...

— Что-о?! Да как ты...— задохнулся от негодования Пако.

— Какая разница, был — и все.

— Ты хоть понимаешь, чем рисковал? Если бы там была засада... Да и сейчас, не дай бог, найдут у тебя его ключ, и пиши пропало!

— Пако! — Мне невольно пришлось повысить голос, чтобы заставить его замолчать.— Я забрался туда по пожарной лестнице, и хватит об этом... Так вот, все буквы выписаны с таким тщанием, на какое не способен умирающий. Даже Менендес не настолько слеп, чтобы

— Он не слеп, но глух к разумным доводам. И потом, ты излагаешь всего лишь версии, друг мой. Ничего, кроме версий.

— Пако, ты навел справки о сотрудниках «Карма»?

— А как же... Памятуя о советах некоторых, я вскрыл сейф Менендеса, и вот они, голубчики, у меня в кармане. И вынужден тебя разочаровать — у всех, у сотрудников и у тех, кого Хави уволил, железное алиби.

— А что с Эли Бустаменте?

— Битых два с половиной часа она прихорашивалась в парикмахерской. Из-за этого вечером даже на работу не вышла. Не мешало бы, конечно, еще разок проверить, да ведь когда речь идет об убийстве, никто из случайных свидетелей не рискнет дать показания... Эли, по ее словам, расплатилась за услуги в четверть девятого, не раньше

— А как там насчет голоса, что наутро прозвучал в трубке дежурного по полицейскому управлению?

— Нет никаких концов. Удалось, правда, выяснить, что по понедельникам какая-то женщина убирает квартиру Хавьера, но зачем ей прибегать к таким хитростям? Может, сам убийца был заинтересован, чтобы труп обнаружили побыстрее... Вот такой с ним случился душевный порыв.

— Да, но почему только утром? Он что, всю ночь терзался угрызениями совести?

— Да нет, просто думал о своем алиби.

— Вот черт... И зацепиться-то не за что,— невольно вырвалось у меня.— Но знаешь, Пако, такое у меня ощущение, будто что-то слишком уж очевидное, простое, как мычание, мешает мне докопаться до правды. Попросту заслоняет ее. Мне надо еще раз все хорошенько обдумать.

И поговорить с Анхелес, но Пако ни к чему сейчас знать об этом.

XXII

Пять часов полусна — дело невеликое, а в моем состоянии и вовсе, но и им я был благодарен. Ломило кости, донимала рука. Ладно, если все обойдется — загляну к врачу.

По часам — половина восьмого. Я поднялся с проворством боксера, только что посланного в нокаут, и заковылял проведать Форту. Та спала, слава богу, сном младенца

И тут до меня донеслись частые гудки — ночью, оказывается, я неловко положил телефонную трубку. Чертыхаясь — а вдруг Пако понадобилось срочно дозвониться,— я сел в кресло и автоматически набрал номер Анхелес.

— Дан? Ты откуда?

Голос ее звучал напряженно, и натянутость эта тотчас передалась мне, будто мы находились на разноименных полюсах

— Я думал, ты ушла,— пустил я пробный камушек.

— Куда? Я полночи до тебя не могла дозвониться, все занято да занято. Уж не знала, что и делать: кто знает, может, Пако дал неправильный номер? А будить его было неудобно.

— Зато я вдоволь наобщался с твоим автоответчиком.

— Роберта все рассказала мне об убийстве. Почему же ты ни словом...

— Да как-то вот не подумал. Ну, не хотел все эти подробности... Словом, не знаю я, почему.

— Я вернулась домой, едва поняла, до чего же тебе тош-

но сейчас. Дани, мне нужно с тобой кое-чем поделиться. Постарайся понять меня правильно...

— Если ты о том, как вы славно проводили с ним время, то я уже в курсе.

Мне было слышно, как прерывисто дышит Анхелес.

— Как ты... это узнал? — донесся наконец ее голос.

— Ничего я не знал до вчерашнего вечера. Тина все рассказала.

— Тина?!

— Ага.

— Значит, Роберта...

— Вовсе не значит.

Господи, какое сейчас все это имеет значение! Мы начали хождение по кругу, и каждый ждал, что другой первым задаст вопрос. И ведь не из страха — из вежливости.

Ладно — долго ли, коротко ли, а передавать весь этот разговор смысла не имеет. Обоим нам было больно — и за себя, и за Хави, и из-за того, что молодость ушла... Распрощались мы по-хорошему. А напоследок я узнал, что Хави звонил ей в среду днем. Звонил из Льорет де Мар, из дома, где когда-то жили его родители...

XXIII

Не особенно я полагался на эту поездку: вряд ли Льорет де Мар ответит на все вопросы. Просто мне нужно было вырваться из города, глотнуть свежего воздуха, собраться с мыслями. Да, сумей я вовремя вычислить Патри, все, наверное, было бы уже расставлено по своим местам. Что и говорить, крепки мы задним умом; а вот как теперь быть с этим владельцем замечательных металлических пуговиц? Сколько я ни прикидывал, все он оказывался не на магистрали, а где-то в сторонке, на отшибе.

Дом покойных родителей Хави стоял, притулившись к склону холма, что высился на северной стороне пляжа. Едва увидев его, я остановил машину и минут пять не мог тронуться с места, вглядываясь в молчаливо отсвечивающие под солнцем окна.

Ключ я нашел на с детства знакомом месте. Войдя, нащупал дверцу счетчика, и свет мягким потоком залил гостиную. На столе лежала раскрытая ручка, справа — чуть растрепанная стопка бумаги. Обыкновенно он писал, снимая лист за листом, так что на следующем всякий раз оставались следы его писанины. Я взял верхний лист — так и есть, весь испещрен ими, как шрамами. Но попробуй прочитать тут что-нибудь — почерк у Хави бешеный, и писал он почти без нажима. Только в левом верхнем углу удалось разобрать: «Дорогой Дани!»

Может быть, письмо уже лежит в ящичке стола Франсиско, нашего консьержа. Что там? Объяснение с обманутым другом? А может быть, прощание?..

Я зачем-то взял со стола ручку, подержал ее на ладони. Положил на место. Слева от стопки...

Стоп.

Так и есть! Хави ведь всю жизнь был левшой.

Я снова увидел, как буква С упирается в пальцы его правой, вытянутой руки. Значит, РОС написал кто-то третий, ведь убийца хорошо знал Хави.

Я не сразу выбрался из кресла — напряжение вдруг отпустило, и впервые я смог испить аромат наступившей вдруг ясности. Ребус далеко еще не решен, но кое в чем, оказывается, он устроен довольно просто. Так просто...

Я отключил электричество, запер дверь, положил ключ на извечное его место — под третьим подоконником слева. Сколько ему еще здесь лежать? Разве только Тина сюда заглянет.

Ну вот и все. Я осторожно провел ладонью по табличке на входной двери, где темнело короткое МОРА. Анхелес, я и Хави всегда предпочитали представляться коротко — только по фамилии. На одном из почтовых ящиков в доме на улице Мадрасо тоже значится МОРА. Чем-то похоже на РОС.

В Барселону я возвращался, уже без стеснения выжимая из моей старушки все, на что она еще была способна.

XXIV

В «Паблиуэй» все было как всегда — дорого и благопристойно. Наша с Эли Бустаменте беседа происходила в небольшой зале, обставленной полудюжиной кресел и столиком, отлитым из черного стекла.

Если уж вчера, после бессонной ночи, Эли все-таки была хороша, то сегодня вполне можно было ей мысленно поаплодировать. На лице — ни следа пережитого, как в костюме — ни единой лишней детали. Каждая прядь светлых волос уложена с продуманной небрежностью, косметика лишь чуть оттеняет нежный овал лица, глубину глаз.

— Сеньор Рос? — изобразила она удивление.— Вы забыли задать мне какой-то вопрос?

— Вчера вы сказали, что, если вам будет лучше и я того пожелаю, мы сможем увидеться здесь, где никто нам не помешает.

— Но здесь, в моем кабинете...— ее спокойствие слегка поколебалось.— А нельзя ли увидеться позже?

— Это очень серьезно,— предупредил я,— и лучше бы все обговорить до того, как в дело вмешается полиция.

Макияж не скрыл бледность, проступившую на ее лице. Жестом Эли предложила мне кресло, села сама. Держалась она, прямо скажем, недурно.

— Полиция? — едва шевельнулись ее брови.— Простите, не понимаю.

— А я было подумал, что вам-то уж давно все ясно.

Она отвела глаза — как бы убедиться в том, что дверь плотно прикрыта. Секундное дело — и вот уже, сложив на коленях ладони, с простым, почти наивным интересом стала разглядывать меня. Да, из крепкого материала была сделана Эли.

— М-м-м... Что вам, собственно говоря, угодно?

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне о том, как умер Хави. Даже тему могу подсказать: ревность как мотив убийства. Его одного было бы вполне достаточно, но кое-что все же неясно.

— Вы с ума сошли! Я не убивала Хави.

Неблагородно, конечно, так поступать, но я уже пошел напролом. Ведь если она говорит правду — что вполне вероятно,— дело опять зайдет в тупик. А мне позарез нужно было ее признание, и, значит, о светских манерах пришлось на время забыть.

— Вы можете лгать мне, а то и вообще все отрицать,— сухо заметил я.— Но с полицией эти фокусы не пройдут.

— Я с этой милой публикой вчера уже имела удовольствие пообщаться. И знаете, что они мне сказали? Будто бы, умирая, Хави написал имя убийцы... Ваше имя.

— Для начала неплохо. Но вот незадача: сеньор Менендес никогда не пустился бы на такие откровения. Эта любопытная подробность вам известна лишь потому, что вы — автор сей бессмертной строки, а вовсе не Хави.

— Вы с ума сошли! — Она стала уже повторяться.

— Обмакнув его пальцы в кровь, вы написали РОС, и это было вашей второй ошибкой. В третий раз вы промахнулись, запамятовав, что убитый — левша.

— Боже мой, чушь какая...— но думала она сейчас о другом.

— А рассказать вам о первой вашей ошибке? Избежать ее, конечно, было куда сложней, хотя на поверку и здесь все обстоит достаточно просто. На улице Мадрасо, на почтовом ящике Хави значится без претензий МОРА. То же самое можно прочесть на двери домика, что в Льорет де Мар. И знаете, почему? Да просто так уж у нас с давних пор повелось — по сей день не можем отказаться от этой привычки. Вот и мы с женой так поступили. А когда мы разошлись и она переехала, она тоже поставила на своем новом почтовом ящике только фамилию — Рос. Мою, стало быть, фамилию. Почему? Ну, во-первых, у нас есть сын, да и расстались мы, можно сказать, друзьями, и ей не понадобилась вся эта паспортная волокита. Кстати, говорит вам что-нибудь имя Анхелес?

Перевел с испанского Н. ЛОПАТЕНКО
Рисунок А. КОЛОМАЦКОГО

Окончание следует

со стр. 21

всем мире. Их имена и звания хранятся в строжайшей тайне, чтобы избежать любого рода «подкупа». Обычно это университетские профессора, известные специалисты по творчеству конкретного автора или по литературе определенной страны. Эксперт должен будет представить подробное сообщение о писателе, анализ его творчества, сведения о его влиянии на литературу родной страны и за рубежом. Этот текст оплачивается, как статья в солидном литературном журнале.

Заключения экспертов становятся известны академикам, и только им одним. Затем следует яростное обсуждение сравнительных достоинств кандидатов и в один из четвергов октября — голосование. Счастливому избраннику решение объявляется телеграммой, а публике — во время пресс-конференции, созываемой сразу же после голосования. Премия вручается самим королем Швеции на жутко торжественной церемонии неизменно 10 декабря — в день смерти Альфреда Нобеля.

Ну вот и все. Мой первый собеседник считает, что этой официальной информации достаточно, чтобы понять механизм мощной машины — престижного и загадочного института, который сумел уберечь свою премию от инфляции.

А дальше оказалось — какие же все-таки мы все разные — что в еженедельных заседаниях комитета нет ничего академического в общепринятом смысле этого слова. По мере того, как приближается голосование, все чаще и чаще происходят стычки, разумеется, словесные и, разумеется, с присущими шведам хладнокровием и выдержкой. Часто случается, что участники заседания перестают называть друг друга по именам, а переходят на официальное «господин» (или «госпожа», так как среди них две дамы).

Для избрания кандидата необходим кворум из 12 академиков (что обычно не представляет трудности), и надо, чтобы половина из них проголосовала за одного и того же (что гораздо сложнее).

Задача у них непростая. Оценить заслуги ученого, автора какого-нибудь открытия, не так сложно, как определить талант, гениальность, самобытность — все это, как правило, субъективная оценка. Даже в стране фьордов дискуссии не могут оставаться ледяными. Да и статья 2 Устава Нобелевского фонда не очень-то им помогает: «Под термином «литература» надо понимать не только непосредственно литературные произведения, но и все сочинения, форма и стиль которых имеют литературную ценность». Очень расплывчато...

Гунель Валлквист, одна из 18, говорит так.

— Академик — невозможная профессия. Прекрасно отдаешь себе отчет, что не существует способа определить, какой писатель важней, какой главенствует. Не хватает объективных критериев. Но наш выбор не становится от этого менее литературным. И тот факт, что автор не переведен на шведский язык, не имеет никакого значения. Кроме шведского, академики обычно владеют тремя языками: французским, английским, немецким.

Признаюсь, шведский академик не похож на своих коллег из других стран. Он, конечно, тоже престижен, но, как это ни странно, более доступен. Он обедает у писателей и журналистов, много путешествует, охотно пишет в газетах и журналах, легко дает номер своего домашнего телефона и всегда готов побеседовать с вами.

И все же, если смотреть со стороны, часто создается впечатление, что Шведская академия принимает слишком категорические и поспешные решения, открывает неизвестных публике писателей при помощи Нобелевской премии и вообще удостаивает своим вниманием неизвестно кого...

Публика, возможно, лучше бы осознавала все разнообразие и сложность дискуссий, если бы ход обсуждения решений не хранился в такой тайне.

Да, тайна, секретность становятся чуть ли не навязчивой идеей в лоне академии. Доступ к библиотеке и картотекам открыт, но архивы (стенограммы совещаний, переписка и т. д.) засекречены на 50 лет. Хранятся они в подземелье. Слухи приукрашивают даже то, что никто не видел. Говорят, что попасть в подвал можно на лифте, но под кнопкой «1 этаж» находится замочная скважина. Чтобы спуститься в святилище, нужен специальный ключ. А там, под величественными сводами, позади столов и стульев, за которыми иногда проходят литературные дискуссии, находятся длинные ряды полок, закрытые решетками с замками. Эти полки могли бы, наверное, открыть удивительную сторону истории литературы.

— Секретность, провозглашенная в статье 10 Устава, необходима. Иначе ценность и целостность академии не могли бы быть сохранены,— говорит Г. Валлквист.— Впрочем, кое-что можно. Челлю Эспмарку, академику, конечно же, заказано «аргументированное освещение принятия решения о присуждении Нобелевской премии по литературе». Этот труд должен быть опубликован к двухсотлетнему юбилею Академии. Автор недавно закончил свою рукопись. Но чтобы не нарушить святая святых — обет молчания, он согласился обнародовать содержание пока только той части своих драгоценных записок, в которой информация почерпнута им из самых что ни на есть общедоступных «архивов», из газет, из книг...

— Общеизвестно, что в течение всего года академики испытывают сильное давление со всех сторон.

— Когда на нас пытаются повлиять, мы только смеемся. Ведь это наивно. А есть и такие чудаки, которые сами предлагают свою кандидатуру,— смеется Гунель Валлквист.

Другой академик, Эстен Шестранд, говорит:

— Кандидаты, которые выдвигают сами себя,— самоубийцы. А ведь попадаются и такие, которые посылают полное собрание своих сочинений королю Швеции!

Секретарь Академии, Йюлленстен, подытожил:

— Мы замечаем, когда на нас пытаются давить, но не чувствуем этого. У нас слоновая кожа...

Но не почувствовать это давление трудно. Так, например, в 1983 году культурным советником посольства Мексики в Швеции была специально назначена дама, получившая задание сделать все возможное, чтобы Октавио Пас стал Нобелевским лауреатом. Нажим может быть и куда более официальным. В 1922 году две трети Испанской академии наук подписались под предложением отметить премией драматурга Хасинто Бенавенте. А так как его к тому же поддержал тогдашний президент Нобелевского комитета, Пер Халлстрем, то драматург стал лауреатом. Но этот пример является не правилом, а скорее исключением. Из статьи Андреса Эстерминга, который долгое время был секретарем академии и мог вволю порыться в архивах, можно узнать, что никто во Франции (ни организации, ни писатели) не предлагал кандидатуру Роже Мартена дю Гара, ставшего Нобелевским лауреатом в 1937 году, хотя французские культурные службы в Швеции сделали своим девизом слова одного посла «Всегда думать об ЭТОМ, но никогда не говорить». Словом, тайна, покрытая мраком...

...В Стокгольме за несколько недель до голосования начинается настоящая лихорадка. Особенно нетерпеливо ждут каких-нибудь новостей журналисты. Во-первых, из профессионального любопытства, во-вторых, по чисто техническим причинам: имя лауреата объявляется в 13 часов, а материал о нем они должны передать в 17 часов. Четырех часов не всегда хватает, чтобы написать большую статью о писателе, его жизни и творчестве.

— Обычно академики принимают решение за три дня до объявления,— объясняет Ингмар Бьеркстен, самый информированный журналист Стокгольма.— Однажды я предложил секретарю Академии наук давать двум шефам культурных отделов двух крупных газет три имени за неделю до объявления, чтобы иметь время на подготовку. Я обещал строгое соблюдение тайны. Он, естественно, отказался. Вот и приходится прогнозировать, кто — Октавио Пас, Борхес или кто еще.

У них действительно есть шансы на успех, не в этом году, так в следующем.

Именно так всегда говорят в Стокгольме: не в этот раз, так в следующий. В принципе, если писатель попадает в список кандидатов, он там и остается.

Перевела с французского
В. СТАРОВОЙТОВА

КОЛДУН

«...Мне было лет двенадцать, и у нас в Шатору стояли американцы. Я помню, что сидел на берегу реки и уплетал огромный бутерброд. И в этот момент из громкоговорителя, что на американской базе, послышался рок. Я впервые услышал рок. То был Билл Хейли, и то была совсем другая жизнь.

Мы и на танцульки ходили, но не для того, чтобы потанцевать, а чтобы подраться. Мы были хулиганами. Драки тогда были не такие жестокие, как теперь, в худшем случае — синяки, и все. А девчонки... Хулиганы, они ведь скромные. Наша компания обходилась как-то без них. Мы больше выделывались, в общем...

То, что у нас в Шатору стояли американцы, невероятно расширило рамки нашей провинциальной жизни. Были такие девушки, которые преображались буквально за неделю, работая у них в конторах. Простые девчонки, они приезжали из деревень с чемоданами, перевязанными веревками. Что было хорошо, так это свобода не глупости: первые майки с короткими рукавами, джинсы, ремни (ремень был очень престижной частью наряда).

Нет, мы не подражали американцам, хотя и носили их шмотки, просто другой одежды в нашем Шатору тогда и не было...»

Не правда ли, напоминает рассказ о каком-то давно и хорошо знакомом французском фильме! Вообще, воспоминания Жерара Депардье, его рассказы о юности и детстве — это сам по себе фильм, история послевоенной Франции.

«Родители мои родом из Берри — это между Лиможем и Орлеаном. Говорят, что если к 99 берришонцам прибавить одного бретонца, то получится как раз 100 идиотов! Берришонцы всегда были драчунами и пьяницами, а женщины — колдуньями. Кстати, обе мои бабки были колдуньями — одна занималась белой магией, другая — черной...»

В семье было шестеро детей, Жерар — третий. Отец работал на фабрике — семья оторвалась от своих крестьянских корней и перебралась в городок Шатору. Жили тяжело: отец пил, мать, чтобы прокормить детей, работала уборщицей, и в двенадцать с половиной лет Жерар Депардье сбежал из дома.

«Детства у меня как такового не бы-[redacted] конфликтовал. Мне нравилось в школе, но и там я восставал — желание учиться вступало в постоянный конфликт с формальными методами обучения, так что, когда я начал учиться в театральной школе, я все открывал для себя заново — всю французскую литературу. Я был словно неотесанное бревно, и мне пришлось догонять всех остальных. Я хотел жить, узнавать, но все для меня было запретным плодом. Это — не детство.

И я ушел. У меня не было ни денег, ни документов, ни пожитков. Но я хотел увидеть море. Это было важно — потому что за морем лежали другие земли. Сейчас я предпочитаю нашу обыкновенную французскую деревню: море беспокоит меня, навевает мысли о смерти. Но тогда море означало для меня новую жизнь.

Я перебивался мелким воровством, жульничал, торговал на черном рынке. Я не думал о том, что стану актером и на пути к Парижу — а двигался я к нему три года — я все же чему-то учился. Дорога расширяла мой горизонт, пополняла словарь. Я подбирал новые для себя слова, словно случайно доставшиеся лакомства. Я произносил их, пробовал на вкус, хотя и не понимал их смысла. Я люблю слова, люблю погружаться в их смысл, играть ими, чувствовать их...»

В пятнадцать лет хулиган из Шатору уже вышел на театральные подмостки: «Мой опыт пробиваться, хитрить, выкручиваться ничем мне не помог: я был так растерян, так отчаянно одинок рядом с этими, как мне казалось, высокообразованными людьми, мне до такой степени не хватало культуры, и я впитывал, хватая все, что мог, это напоминало тот новый язык, новые слова, что я впитал в себя в дороге. Поэтому я так люблю исторические фильмы: они позволяют мне погрузиться в то знание, которого мне всегда не хватало».

Судьба Жерара Депардье в театре и кино сложилась фантастически счастливо: к своим сорока годам он снялся уже в 60 фильмах, сыграл в театре роли, о которых может мечтать любой актер,— от Тартюфа до Сирано де Бержерака, сейчас он готовится к роли Отелло. Он был партнером Жана Габена (сейчас его и называют «нашим вторым Габеном», а это самое высокое звание для французского актера), Ива Монтана, Алена Делона, Роберта Де Ниро. Его партнершами были самые красивые женщины французского кино — Изабель Аджани, Катрин Денев, Натали Бэй. Между прочим, какие бы отношения их связывали в фильмах Депардье с его партнершами, его имя никогда не ассоциировалось ни с какими романами — это тоже поразительно, хотя, например, американский журнал «Тайм» назвал Депардье «секс-символом французского кино». По этому поводу Депардье как-то сказал: «Приятно, когда тебя так называют, если тебе двадцать — это возраст безответственности, даже какой-то очаровательной бессовестности. Но в сорок лет... Это уже печально».

Он 21 год женат на актрисе Элизабет Гиньо, с которой вместе учился в театральной школе, у них двое детей — девятнадцати и шести лет, и живет он с семьей в небольшом доме в пригороде Парижа. «Я — не светский человек. Может быть, даже немного дикарь. Я люблю деревья, землю, я все такой же крестьянин, кем бы мне ни приходилось быть на экране». Может, именно потому к имени Депардье и не прилипают никакие сплетни и никакие легенды.

Он получил все самые знаменитые, самые престижные кинопремии мира, он снимался у самых выдающихся режиссеров нашего времени — Трюффо, Бертолуччи, Вайды, многих других, он играл героев французской истории и играл людей самых обыкновенных, его жадность к работе заставляла его сниматься и в самых рядовых комедиях. Но даже в них — шедших почему-то в отличие от сильных, серьезных фильмов Депардье, на всех наших экранах — он остается великим актером, поднимающим одним своим появлением на экране любую поделку до уровня настоящего кино.

Критики объясняют это особым «магнетизмом» Жерара Депардье. Он согласен с таким определением: «Все-таки мои бабки были колдуньями...»

М. ПАВЛОВ

Gerard Depardieu

ГОРЯЧАЯ ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА

ФРГ, Израиль. 1980 г. Среднее время —1 ч. 30 мин. Реж. Боуз Дэвидсон. В ролях: Джесси Кацур, Захи Ной, Сибилла Раух, Амат Ацмон и др.

Две страны объединились, чтобы создать нескончаемый сериал о похождениях трех друзей — Бенни, Момо и Джонни — в некой стране, в которой угадываются одновременно Израиль и Калифорнийское побережье США (то ли в Израиле подростки ведут себя так же и слушают такую же музыку, как в пятидесятых годах в Калифорнии, то ли под Лос-Анджелес перенесли лагеря резервистов и апельсиновые рощи). Короче, попытка увенчалась успехом хотя бы у наших, отечественных подростков: набор подростковых клише и скабрезностей завлекает их в видеосалоны.

Что касается качества данного сериала — то это за пределами критики.

МУНРЭЙКЕР

MOONRAIKER

Великобритания, Франция. 1978 г. 2 ч. 6 мин. Реж. Льюис Джилберт. В ролях: Роджер Мур (Джеймс Бонд), Лоис Шоль (Холли Гудхед), Майкл Лонсдейл (Хьюго Дракс), Ричард Кил (Челюсти) и др.

И снова — незабываемый наш. На этот раз агент 007 в паре с очаровательной Холли Гудхед (в переводе фамилия звучит как «Толковая голова») срывают происки злодея, задумавшего уничтожить нашу бедную планету из космоса при помощи ядовитых орхидей. А «Мунрэйкер» — это хитрый такой космический корабль, куда, стремясь спасти мир, пробираются наши славные герои.

Короче, все накручено-наверчено и очень смешно, а отличает этот фильм тот факт, что обычно сильно злобный помощник всех злодеев Челюсти влюбляется и становится добрым-добрым.

Вот что делает с человеком любовь!

Доктор Живаго

США. 1965 г. 3 ч. 5 мин. Реж. Дэвид Лин. В ролях: Омар Шариф (Юрий Живаго), Джулия Кристи (Лариса), Джеральдина Чаплин (Тоня), Том Кортней (Павел Антипов) и др.

Волна гласности донесла до отечественного читателя долгожданный роман Бориса Пастернака.

Давным-давно был снят и фильм. И, следуя духу гласности, приведем отрывок из старой рецензии, опубликованной в газете «Зюйддойче цайтунг»: «Режиссеру Дэвиду Лину потребовалось 120000 кв. м фанеры и 3 тонны красок, чтобы выстроить под Мадридом декорации, изображающие дореволюционную Москву. И хотя фильм получил пять «Оскаров», следует отметить, что красавец Омар Шариф с огромными глазами антилопы, наряженный в русский костюм, не делает даже малейшей попытки сыграть Юрия Живаго».

Корреспонденту «Ровесника» удалось как-то перекинуться парой слов с Джулией Кристи. На вопрос о роли Ларисы она ответила просто: «Уф...». Но зато музыка в фильме чудесная!

ГОЛОС ЛУНЫ

LA VOCE DELLA LUNA

Италия, Франция. 1990 г. 1 ч. 59 мин. Реж. Федерико Феллини, сцен. Федерико Феллини, Тулио Пинелли, Эрсанио Каваццони. Комп. Никола Пьовани. В ролях: Роберто Беньини (Иво Сальвини), Паоло Вилладжо (Гоннелла), Надя Оттавиани (Альдина), Мариза Томази (Мариза — «Локомотив») и др.

Феллиниевская атмосфера охватывает зрителя с первых кадров: мы встретимся и с дорогими его сердцу клоунами, увидим странные, необычайные декорации, увидим полюбившиеся нам по «Амаркорду» пейзажи. Единство фильма обеспечивает не сюжет в его традиционном понимании, а путешествие по городу — не просто символу, но фотографии нашего общества, каким его видит автор, цивилизации эпохи средств массовой информации, с телевидением во главе.

Но больше всего трогают зрителя не самые яркие, но самые интимные, лирические моменты — кинематографическая поэзия, особенно в сценах, связанных с природой, благодаря которой к личности возвращаются чистота, наивность, одним словом — здоровье.

США, Великобритания. 1988 г. 1 ч. 37 мин. Реж. Тони Рэндел, сцен. Питер Эткинс, комп. Кристофер Янг. В ролях: Клер Хиггинс (Джулия), Эшли Лоуренс (Кристи Коттон), Кеннет Грэнхем (Чэннерд), Имоджин Бурмэн (Тиффани) и др.

По жуткому лабиринту потустороннего мира разгуливают страшенные существа с содранной кожей и утыканными гвоздями головами. Кровь льется потоками шириной в Миссисипи... Любители ужасов! Сложите воедино все кошмары «Зловещих мертвецов», «За чертой» и «Фантазма» — и вы поймете, что же такое «Восставший из ада». О содержании рассказать достаточно сложно, ибо его почти и нет. Авторам картины не откажешь в изобретательности по части методов умерщвления человеческой плоти (фильм открывается фразой: «О, это сладкое страдание!»), но чувство меры им явно изменило.

HELLRAISER II: HELLBOUND

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА II

DRIVING MISS DAISY

США. 1989 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Брюс Бересфорд, сцен. Алфред Ури, комп. Ганс Циммер. В ролях: Джессика Тэнди (Дэйзи Уэртан), Морган Фримэн (Хоук Колберн), Дэн Айкройд (Були) и др.

В Атланте, в достаточно богатом квартале, живет пожилая дама — мисс Дэйзи. Ей уже трудно самой водить машину, и сын присылает к ней шофера — чернокожего Хоука Колберна. Весь фильм построен на тончайших психологических нюансах взаимоотношений этих людей — честного, благородного Хоука и строптивой, но умеющей преодолеть и собственные предрассудки, и сопротивление окружающих, не принимающих в свою среду «цветных» соседей и друзей, мисс Дэйзи. Два великих американских актера — Фримэн и Джессика Тэнди (она знакома нашим театралам: несколько лет назад она приезжала на гастроли в СССР) — рисуют историю дружбы своих героев на фоне меняющегося на протяжении 25 лет морального климата Америки. А фильм получил в прошлом году «Оскара».

ШОФЕР МИСС ДЭЙЗИ

**ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.**

The Cars